

К.Ю. Резников

ЖИЗНИ И ФАКТЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ

От лихолетья Смуты
до империи Петра I

ОТ РУСИ К ИМПЕРИИ

От Руси к империи

Кирилл Резников

**Мифы и факты русской
истории. От лихолетья
Смуты до империи Петра**

«Автор»

2012

Резников К. Ю.

Мифы и факты русской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра / К. Ю. Резников — «Автор», 2012 — (От Руси к империи)

В книге рассмотрена мифология истории Русского государства в XVII – начале XVIII века. Представлены «биографии» исторических мифов, начиная от обстоятельств «рождения» и вплоть до «жизни» в наши дни, их роли в борьбе идей в современной России. Три главы посвящены Смутному времени – первой информационной войне, едва не погубившей Россию. Даны портреты главных участников Смуты и рассмотрена сложившаяся вокруг них мифология. В последующих главах обсуждаются мифы и факты о первых Романовых и Петре I. Согласно одной группе мифов, Московское государство всё более отставало от Европы и было обречено стать колонией, если бы не Пётр, железной рукой вытащивший страну из азиатчины и преобразовавший её в империю. В других мифах восхваляется допетровская Русь, где царь, православная церковь и народ процветали в симфонии, основанной на соборности. Пётр сломал естественный ход развития России и расколол общество, что, в конечном итоге, привело к революции. На самом деле, обе группы мифов односторонни. Имелась преемственность во внешней и отчасти во внутренней политике Петра. Реформа богослужения при Алексее Михайловиче, приведшая к Расколу, подготовила почву для реформ Петра. Не Пётр начал вестернизацию, но он заимствовал из Европы не только технологии, но механизмы научно-технического прогресса – системы образования и науки.

© Резников К. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Предисловие	7
1. Смутное время. Начало	9
1.1. Смутное время в истории России	9
1.2. Смута как системный кризис России	14
1.3. Мифотворцы Смутного времени	20
1.4. Русские современники Смуты	21
1.5. Европейцы о Смуте	29
1.5.1. «Немцы» о Смуте	29
1.5.2. Польские «конкистадоры» о Смуте	32
1.6. Исторические персонажи Смутного времени	34
1.7. Борис Годунов	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45
Комментарии	

Кирилл Резников
Мифы и факты русской истории. От
лихолетья Смуты до империи Петра

© Резников К. Ю., 2012

© ООО «Издательский дом «Вече» 2012

© ООО «Издательство «Вече» 2012

* * *

Предисловие

«Из Лихолетья Смуты к империи Петра I» продолжает тематику книги «От рождения славян до Сибирского взятия». Обе книги составляют диологию «Русская история: Мифы и факты», посвящённую мифологии русской истории. В обеих книгах исторические мифы разделены на *утверждающие* и *кризисные*. Первые возникают на подъёме духовных сил общества; они прославляют народ и страну; правительство их использует для укрепления власти. Вторые появляются при упадке или болезни общества; они проникнуты пессимизмом, часто усугубляют процессы распада. Между мифами идёт конкуренция за место в общественном сознании.

В книге «Из лихолетья Смуты к империи Петра I» рассмотрен исторический взлёт Русского государства в XVII – начале XVIII века. Первые два десятилетия в XVII веке Россия гибла в огне Смуты и интервенции, а за следующие 100 лет стала евразийской сверхдержавой, достигла берегов Тихого океана и навсегда покончила с угрозой и имперскими амбициями Речи Посполитой и Швеции. Первые главы книги посвящены Смутному времени – информационной войне, едва не погубившей Россию. Обсуждается вопрос – что есть Смута, кризис или катастрофа? Рассказано об отличии кризисов от катастроф в истории общества и о роли личности в истории. Показана предвзятость современников, писавших о Смутном времени. Даны портреты главных участников Смуты и рассмотрена, сложившаяся вокруг них мифология. Особо сказано о «служивших прямо» – героях, спасителях России.

В последующих главах обсуждаются исторические мифы о правлении первых Романовых и реформах Петра I. Согласно одной группе мифов, Московское государство представляло застойное болото, с каждым годом всё более отстающее от Европы. Страна неизбежно стала бы колонией, если бы не Пётр, железной рукой вытащивший Московское царство из азиатчины и преобразовавший в мощную Российскую империю. Другие мифы исходят из идеализации допетровской Руси, где царь, православная церковь и народ существовали в симфонии, основанной на соборности. Романовы заимствовали лучшее из Европы, в частности, военные реформы. Но заимствования не ломали русскую культуру и не вносили отчуждённость в общество. Приход Петра сломал естественный ход развития России и расколол общество, что, в конечном итоге, привело к революции.

Факты о России XVII в. полностью опровергают мифы о сонном царстве Московском. Россия быстро оправилась от разгрома Смутного времени и усиливалась с каждым десятилетием. Была присоединена большая часть Сибири, обученные по-европейски «полки нового строя», нанесли поражение Речи Посполитой, был возвращён Смоленск и взяты «под государеву руку» Восточная Украина с Киевом. Поощрялся въезд в страну европейских мастеров и военных. Началась вестернизация быта. Одновременно администрация становилась все более бюрократической; самоуправление подавлялось; завершилось закрепощение крестьян. Реформа обрядов богослужения по греческому образцу привела к Расколу, преследованию старообрядцев и их массовым саможжениям. Царствование первых Романовых сопровождалось восстаниями казаков, крестьян и посадских, бунтами стрельцов и Расколом. Современники прозвали его «бунташным веком».

Анализ фактов о допетровской и петровской России показывает *преимущество* внешней и даже (в плане тенденции) внутренней политики Петра I. Церковная реформа, приведшая к Расколу, вызвала потрясения не меньшие, чем реформы Петра I. Не Пётр начал и вестернизацию страны, но в отличие от предшественников он заимствовал из Европы не только навыки и технологии, но механизмы научно-технического прогресса – школы, мастерские, училища, гимназии и Академию наук. Рассмотрена трактовка образа Петра в научной и художественной

литературе и кино. Сделан вывод, что единого мнения о Петре не сложилось. Борьба мифологий о Петре продолжается.

В книге представлены своего рода «биографии» мифов, начиная от обстоятельств их «рождения» и вплоть до «жизни» в современном обществе. Мифы показаны в динамике превращений. Описываются события, породившие исторический миф, записи современников, предания, с ним связанные. В книге показано влияние на мифы искусства, в первую очередь, фольклора и литературы. Искусство меняет трактовку мифов; оно может даже порождать мифы. Но и мифы влияют на искусство, становясь темой творчества. Рассмотрены художественные произведения, повлиявшие на мифологию русской истории. Особое внимание уделено историческим мифам в современной России, их роли в сегодняшнем «споре славян между собою».

Я глубоко благодарен писателю-историку Сергею Ивановичу Аксёненко за ценные критические замечания и писателю Михаилу Юрьевичу Гнителиеву, рекомендовавшему мои книги издательству «Вече». Выражаю искреннюю признательность организаторам сайта «Восточная литература» <http://www.vostlit.info/>: предоставленная ими в общественное пользование уникальная коллекция средневековых текстов очень помогла при написании книги. Особо хочу поблагодарить редактора «Вече», Александра Александровича Скорохода, неизменно доброжелательного и внимательного, эффективно сочетавшего интересы издательства и автора.

1. Смутное время. Начало

Смуть недоброе дело. Она смутом по домам ходитъ. Смута,... тревога, переполохъ; | возмущенье, возстанье, мятежъ, крамола, общее неповиновение, раздоръ межъ народомъ и властью; |... | домашняя ссоры, дразги, перекоры; наущничество, наговоры и следствия ихъ.
Толковый словарь живаго великорусского языка Владимира Даля, 1882

1.1. Смутное время в истории России

Память о Смуте. Начало XVII в. обернулось для России голодом, гражданской войной и поляками в Кремле. Страна гибла, но народ нашел в себе силы объединиться, изгнать поляков и избрать царя новой династии Романовых. Эти страшные годы получили в народе название Смута или Смутное время. Казалось, потомки должны были их запомнить и извлечь уроки, но так не случилось. Память о Смуте быстро потускнела в бурных событиях второй половины XVII в.: бунте Разина, присоединении Украины, казней и костров Раскола. В XVIII в. о Смуте мало кто помнил – все затмила встряска страны, устроенная Петром I, и победы русского оружия в «золотой век» Екатерины II.

Историю Отечества (и Смуты) вернул россиянам Н. М. Карамзин – автор «Истории государства Российского» (1805–1829). Труд его вдохновил А. С. Пушкина на написание драмы «Борис Годунов» (1825), а М. И. Глинку – на создание первой русской оперы «Жизнь за царя» (1836).¹ Карамзин не использовал понятия «смутное время» и «смута», хотя они встречаются в документах XVII в. Ввел их в историографию С. М. Соловьёв в «Истории России с древнейших времен» (VIII том, 1858). В Смуте Соловьёв видел насильственный перерыв в нормальном ходе русской истории. Преодолев Смуту, Россия продолжила свой путь к величию и славе.

К началу XX в., благодаря трудам В. О. Ключевского и С. Ф. Платонова, сложилась концепция Смуты, согласно которой Смуту изначально породили ошибки Ивана Грозного, затеявшего изнурительную Ливонскую войну и разорившего Россию опричниной. Дальнейшее явилось следствием пресечения династии Рюриковичей, борьбы за власть боярства, претензий дворян и недовольства закрепощаемых крестьян. Голод 1601–1602 гг. и появление Самозванца запустили гражданскую войну; к ней добавилась польская интервенция. Все же в народе нашлись силы собрать ополчение и освободить Москву. В такой трактовке Смута является важнейшим периодом российской истории, подготовившим укрепление государства с воцарением Романовых.

После Октябрьской революции историки-марксисты школы М. Н. Покровского отвергли термин «Смута» как буржуазный. Ученица Покровского, М. В. Нечкина, в 1930 г. заявила, что этот термин «возник в контрреволюционных кругах и включает отрицательную оценку революционного движения». Для историков-марксистов главным в исследуемом периоде была классовая борьба крестьян против закрепощения, в первую очередь – восстание Ивана Болотникова. Спорить с ними боялись: упорствовал лишь С. Ф. Платонов. Старорежимный профессор, автор замечательной монографии «Очерки по истории Смуты в Московском государстве

¹ Первоначально оперы называлась «Иван Сусанин» (либретто Г. Ф. Розена), но после премьеры по совету Николая I была переименована в «Жизнь за царя». В 1930-е гг. С. М. Городецкий переделал либретто; с новым текстом опера «Иван Сусанин» десятилетиями шла на сценах Советского Союза.

XVI–XVII вв.» (1899) взгляды марксистов находил примитивными. Кончил он плохо: Платонова арестовали, и он умер в ссылке (1933).

В 1937–1938 гг. школа Покровского была разгромлена по указанию Сталина, в преддверии войны сделавшего ставку на патриотизм в духе преемственности русской истории. Однако возврата к всестороннему изучению Смутного времени не произошло. Главной темой истории России начала XVII в. по-прежнему оставалась крестьянская война (хотя у Болотникова крестьяне были на третьих ролях). Появилась и новая тема – народный отпор интервентам и освобождение Москвы в 1612 г. Вожди второго ополчения, освободившие Москву, – Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский, прославлялись, но «герой-юноша», как звал его Карамзин, Михаил Скопин-Шуйский, спасший Москву от поляков в 1609 г., остался в забвении (он был «запятнан» разгромом Болотникова).

Понимание Смуты как кризиса российского общества и государства, вернулось в историю в 80-е годы вместе с монографиями Р. Г. Скрынникова.² В 90-е годы о «смутном времени» народ говорил уже применительно к собственной жизни, мало отличавшейся от гротеска романов В. О. Пелевина.³ ...К счастью, кончились и «смутные годы», люди стали приходить в себя. Тогда и появился новый праздник. В январе 2005 г. Государственная дума утвердила общероссийский праздник «День народного единства» в честь освобождения Москвы от поляков (4 ноября 1612 г.), заменив им праздник 7 ноября – «Дня согласия и примирения» (до 1996 г. – годовщина Октябрьской революции). Россияне приняли праздник равнодушно – событие 400-летней давности эмоций не будило. Многих раздражила отмена праздника 7 ноября.

Дата освобождения Москвы 4 ноября 1612 г. для историков сомнительна. «День народного единства», 4 ноября по новому стилю, установлен в день празднования Казанской иконе Божией Матери в честь освобождения Москвы от поляков. Православные празднуют его по Юлианскому календарю Русской православной церкви 22 октября по старому стилю. В этот день был освобождён Китай-город (центр Москвы), но договор о сдаче польского гарнизона в Кремле был подписан 26 октября (ст. стиля) и лишь 1 ноября земское войско вступило в Кремль. Впрочем, даты большинства исторических праздников условные.

Смута во времени и пространстве. С. М. Соловьёв полагал, что Смута началась на третий год царствования Бориса Годунова, «в первом году нового века», т. е. в 1601 г. Закончилось же Смутное время избранием царя Михаила Романова в 1613 г. В. О. Ключевский считал, что признаки Смуты обнаруживаются тотчас после смерти последнего царя старой династии, Фёдора Иоанновича. Закончилась Смута избранием на престол Михаила. «Значит, – заключает Ключевский, – Смутным временем в нашей истории можно назвать 14–15 лет с 1598 по 1613 г.; 14 лет в этой эпохе «смятения» Русской земли считает и современник [Смуты], келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын, автор сказания об осаде поляками Троицкого Сергиева монастыря».

С. Ф. Платонов, самый глубокий знаток Смутного времени, выделял три периода Смуты. Первый период – «борьба за Московский престол», начался с прекращения царской династии после смерти сыновей Ивана Грозного: Ивана, Фёдора и Дмитрия (1591). Последней была смерть Фёдора в 1598 г. Второй период – «разрушение государственного порядка», начался с раскола страны в 1609 г., когда в России было два царя, две Боярских думы и два патриарха. Завершился он договором о признании царем королевича Владислава и вступлением в Москву польских войск (осень 1610 г.). Третий период связан со стремлением народа преодолеть соглашательскую политику бояр. В ходе его были собраны первое, а затем второе земское ополче-

² Начиная с его работ: Скрынников Р. Г. Россия накануне Смутного времени. М.: Мысль, 1980; он же. Минин и Пожарский. М.: Молодая гвардия, 1981.

³ Особенно показателен роман В. О. Пелевина «Generation «П» (1999).

ние. Москва была освобождена (1612), был избран новый царь – Михаил Романов (1613), но окончательное успокоение наступило лишь после заключения перемирия со шведами (1617) и с поляками (1618).

Согласно Платонову, Смутное время продолжалось 20 лет. Н. И. Костомаров и В. И. Вернадский отсчитывали Смутное время с похода первого претендента на российский престол, Лжедмитрия I, т. е. с 1604 г. Последующие авторы придерживались либо «длинной» (1598–1618), либо «короткой» (1604–1618) датировки периода Смутного времени: новых версий не появилось.

Смута охватила не всё пространство России. Географически она поделила страну на мятежный юг, мятущийся центр и спокойный, лояльный северо-восток. Л. Н. Гумилёв видит здесь войну субэтнотосов. Самозванцев поддерживали севрюки, рязанцы и донские казаки. Севрюки – жители Северной земли, происходят от древнерусских северян, ослабленных угров племени савиров, ранее входивших в состав гуннской державы. Понятия «Северская земля», «северские города» существовали ещё в XVII в. Северскими городами были Чернигов, Курск, Новгород-Северский, Стародуб, Севск – города северо-востока нынешней Украины и юго-запада России. Севрюки отличались независимостью, привычкой к войне и разбою. О тех, кто смотрит «волчьим» взглядом, говорили: «Что смотришь севрюком»? Ещё большей воинственностью отличались рязанцы. Расположенные на границе со Степью, «удальцы и резвцы рязанские» столетиями славились как лихие воины. О рязанцах Гумилёв пишет: «Рязанцы постоянно отражали татарские набеги, отвечая нападениями не менее жестокими, и вообще привыкли к войне настолько, что для них все были врагами: и степные татары, и мордва, и московиты, и казанцы».

Третьим и главным субэтнотосом, выступившим против власти Москвы, было казачество, причём, не только донское, как пишет Гумилёв, но и терское, где появился «царевич» Петр, и волжское – ведь в Астрахань бежали Иван Заруцкий и Марина Мнишек с «ворёнком». Казачество ведет начало от обитателей южнорусских степей – аланов, готов и тюрок со времен Киевской Руси перемешавшихся со славянами. Позднее к православным степнякам присоединилась масса беглецов из центральной России, в результате чего сложился не отдельный этнос, а субэтнос великорусов. В Смуте сыграли свою, весьма неблагоприятную роль и запорожские казаки, но они принадлежали к другому сложившемуся к XVII в. этносу – украинцев.

Русское население Северо-Востока – Верхнего Поволжья, Прикамья, Русского Севера, Сибири, на протяжении всего Смутного времени было не только лояльно к центральной власти, но активно выступало против развала Российского государства. Спокойные обстоятельные люди – потомки северных славян, мери и чуди, не отчаивались от ужасных вестей, не поддавались на сомнительные призывы, загорались гневом медленно, зато, разобравшись, кто есть супостат – шли до конца со всей северной твердостью. Новгородцы и поморы, костромичи, ярославцы и кашинцы составили основу войска Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, отбросившего «поляков» и тушинцев от Москвы в 1609 г. Особенно прославились в этих сражениях сибирские стрельцы Давыда Жеребцова, – «мужи избранные» по словам летописца.

Совсем иным было первое земское ополчение 1611 г. Случайный союз Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого объединил отряды со всей России: поморов и рязанцев, волжан и севрюков, суздальцев и донских казаков. Разномастное войско, где никто никому не доверял, не могло кончить добром: лучшего из вождей – Прокопия Ляпунова предательски убили, и ополчение распалось. Второе земское ополчение, освободившее Москву в 1612 г., в отличие от первого, было однородным и состояло из жителей Поволжья и Севера – нижегородцев, костромичей, ярославцев, вологодцев, сибиряков. Кроме русских, во втором ополчении были волжские и сибирские татары, мордовцы, чуваша, марийцы, коми. Победа русского Северо-Востока над русским Югом и польско-литовскими интервентами была победой молодой Российской империи над шляхетской и казачьей демократиями, победой евразийцев над европейцами.

Смута и Новое время.⁴ Смута сопровождала приход Нового времени в Россию. Никогда в истории московских Рюриковичей, династическое соперничество или иное общественное неустройство не приводило к гражданской войне с вовлечением широких слоев населения. Даже противоборство Шемяки и Василия Тёмного проявлялось в схватках княжеских дружин, а население не вмешивалось, либо однозначно принимало сторону законного московского князя – Василия, что и решило его победу. То же относится к классовой борьбе. В Московском княжестве, а затем в России, случались народные волнения, но не было значительных вооруженных выступлений низов против верхов и, тем более, не было массовых восстаний против великого князя или царя.

Никогда раньше столь обширные земли России не захватывались войсками европейских государств. Великое Княжество Литовское, до обращения его знати в католичество, не принадлежало к романо-германской цивилизации, а было Западной Русью. Ранние московско-литовские войны есть войны внутриэтнические, ведущиеся внутри распадающегося древнерусского суперэтноса. С XVI в. Литва, войдя в унию с Польшей, всё больше приобщалась к католицизму и западноевропейской культуре, но войны с Россией в XVI столетии не было особенно успешными для Польско-Литовской унии (с 1569 г. Речи Посполитой). Кроме попыток Яна Батория взять Псков, не было крупных вторжений поляков и литовцев в земли Российского государства. То же самое можно сказать о войнах с немцами Ливонского ордена и шведами.

В разгар Смуты разноплеменное воинство Речи Посполитой, именуемое «поляками», распространилось по всей западной и центральной России, в руках интервентов были Суздаль и Переяслав-Залесский, «поляки» дважды захватывали Кострому, в Московском Кремле сидел польский гарнизон. В ту же пору шведы заняли Новгород и новгородчину. Казалось, русским остается лишь смириться и научиться выживать под европейцами подобно униатам Белоруссии и Украины. Но русские смиряться не пожелали; они преодолели Смуту и выгнали завоевателей. В дальнейшем, Россия не раз пришлось испытать страшный напор романо-германского мира. Этот напор усилился в XIX столетии и достиг невиданной силы в веке XX. Продолжается он, и по сей день.

В отличие от монголо-татарских завоевателей, европейские покорители России всегда ставили цель духовно поработить русских, заставить их сменить веру и свою сущность, иными словами, – перестать быть русскими. Первый большой натиск Запада Россия выдержала во время Смуты, но понадобилось 350 лет безуспешных усилий, прежде чем до пронизательных западных умов дошло, что не силком, а лишь посеяв смуту в умах россиян, можно победить Россию.

Начало информационных войн. Война мифов. Ключевский и Платонов считали Смуту гражданской войной, в которую последовательно втягивались все слои российского общества. Историки-марксисты 30-х годов видели здесь войну классов – закрепощаемых крестьян против бояр и дворянства; учёные 40-х – 50-х годов добавили к классовой войне патристическую – борьбу русского народа против польской и шведской интервенции. А. Л. Станиславский главным в Смуте считал войну за власть дворян и казачества. Л. Н. Гумилёв описывает Смуту как войну субэтносов – русских Юга против русских Северо-Востока. Были и попытки синтеза высказанных представлений, в чем преуспел Р. Г. Скрынников. Действительно, все указанные типы войны в русской Смуте наличествовали. Не отмечен лишь один вид войны, может быть наиболее важный: *Смута, в первую очередь, есть война информационная.*

⁴ Новое время – период истории, находящийся между Средневековьем и Новейшим временем. С Новым временем связывают рост национальных государств и капиталистических отношений.

Учёные XIX и XX вв. обошли вниманием информационные войны Смуты, что неудивительно – осознание их важности пришло лишь с распадом СССР и развитием технологий «оранжевых революций». Для человека, живущего в XXI в., несложно увидеть эти черты в событиях Смутного времени. По этой причине Смутное время для нас удивительно современно, но для русских XVII в. это было первое столкновение с воздействием на массовое сознание в политических целях.

Основным способом ведения информационных войн во времена Смуты было мифотворчество. Создавались мифы, заточенные под определенную политическую задачу, и распространялись в народе. Народ – доверчивый и мало искушенный во лжи, охотно верил слухам, особенно, если они совпадали с народными настроениями и чаяниями. Людей, осведомленных и профессионально осторожных, было немного: к их числу можно отнести бояр, иерархов средних и высших степеней, приказных дьяков и крупных купцов. Основная часть народа: крестьяне, казаки, служилые люди (стрельцы и дворяне), низшее духовенство, легко становились жертвами слухов. Утвердившись в народе, слухи приобретали черты устойчивых мифов.

По форме мифы эти могли быть «чёрными» – обвиняющими царей и претендентов на царство в незаконности и всевозможных преступлениях или, напротив, «белыми», где превозносились истинность претендента и его добрые качества или рассказывалось о его чудесном спасении. По содержанию, независимо от окраски, все они относятся к кризисным мифам, порожденным системным кризисом российского общества и государства. Утверждающие мифы появились лишь в конце Смутного времени и были направлены на выход России из системного кризиса. Нам многое станет понятнее в анализе мифов Смутного времени, если рассмотреть основные компоненты системного кризиса, в котором находилась тогда Россия.

1.2. Смута как системный кризис России

Системы, кризисы и катастрофы. Понятие система (*греч.* целое, состоящее из частей) использовали в античной философии для описания упорядоченности мира. В XX в. системами занялись физики и математики. Под системами они по-прежнему понимали набор элементов, образующих целое, но подразделили их по свойствам, выделив простые и сложные системы. Появилась наука *синергетика*, изучающая законы развития и самоорганизации сложных систем. К числу таких систем относятся биологические и общественные системы.

Динамическая устойчивость самоорганизующихся систем поддерживается благодаря следованию законам ритма, цикличной смены состояний. Ритмы выступают как механизмы, позволяющие системе оптимально приспособиться к меняющимся условиям. При этом на внутренние ритмы системы накладываются ритмы окружающего мира. Их суммация влияют на свойства системы, которая в определенные фазы развития при наличии сильных или, напротив, незначительных, но попавших в резонанс, внешних воздействий может потерять устойчивость. Наступает состояние неустойчивости системы, известное как кризис.

Кризис (*греч.* решение, исход) означает резкое изменение, крутой перелом, тяжелое состояние. В синергетике кризис – период дезорганизации системы и вместе с тем – фактор ее организации. Кризис системы сопровождаются нарушением порядка в ее организации, нарастанием хаоса. Но кризис есть также естественная фаза развития системы, когда в развилке бифуркации (раздвоения) система имеет два или больше вариантов выбора и может в той или иной степени перестроиться. Если системе удастся преодолеть кризис, то видоизменив свои параметры, она вновь приобретает устойчивость и продолжает функционировать до следующего кризиса. Если же кризис углубился настолько, что система уже не может его преодолеть, то в зоне бифуркации запускается качественная перестройка, свойства системы меняются коренным образом и прежняя система перестает существовать. Это явление называют катастрофой.

В древней Элладе катастрофой (*греч.* поворот, переворот) именовали заключительное действие драмы, означавшее итоговый поворот, когда статус героя резко менялся: в трагедии – это смерть или крушение, в комедии – женитьба. Слово катастрофа вошло в европейские языки, сохранив значение трагической развязки. В XX в. была создана математическая теория катастроф, определившая катастрофу как скачкообразную потерю стабильности динамической системы и полную ее перестройку, сопровождающуюся исчезновением старой системы.

Смута – кризис или катастрофа? Смуту XVII в. и смены общественного строя в России и СССР в XX в. нередко рассматривают как явления одного порядка. Белоэмигранты называли российской смутой период с 1916 по 1922 гг.: развал армии, отречение государя, Февральскую и Октябрьскую революции и Гражданскую войну.⁵ Со Смутой сравнивали и горбачевскую «перестройку» вкупе с последним, «ельцинским», десятилетием XX в. Действительно, во всех трех «смутах» есть много общего как в характере событий – ослаблении государства, смене власти, развале экономики, гражданской войне, территориальных потерях, обнищании народа, так и в психическом состоянии общества – вере в социальные утопии, легковёрности и податливости на демагогию, последующем разочаровании и *общественном хаосе* – падении морали и росте преступности.

Общие черты всех трех «смут» показывают, что Россия в начале XVII в. и дважды в XX в. вступала в системный кризис, затрагивающий все стороны жизни государства и общества, т. е. в политический, экономический, социальный и нравственный кризис. Но тут выступает

⁵ Недаром мемуары генерала А. И. Деникина называются «Очерки русской Смуты» (1921).

принципиальная разница между Смутой XVII в. и «смутами» века XX. В первой Смуте российское государство и общество вышли из кризиса мало изменившимися – сменилась лишь династия. В 1917 и в 1991 гг. поменялось всё: государственное устройство, форма правления, состав элиты, характер собственности и общественные отношения. Поэтому о Смуте XVII в. можно говорить как о системном кризисе, с которым российское государство справилось, и вернулось на прежний путь развития, тогда как в смутах XX в. системные кризисы переросли в катастрофы: на развалинах старых появлялись новые государства.

Исторические циклы кризисов. Изучение динамики народонаселения, экономического развития и политических событий позволило выявить циклы демографических, экономических, и политических подъемов и спадов. Наметился общий исторический подход, известный как структурно-демографическая концепция. В основе ее лежат неомальтузианские представления о связи кризисов в аграрных странах с перенаселением. Суть концепции сводится к следующему. Перенаселение приводит к нехватке продуктов, росту цен, падению оплаты труда и уровня жизни. Люди не могут больше платить налоги, что ведет к финансовому кризису. Внутри элиты обостряется борьба за дележ уменьшившихся доходов. Наступает системный кризис. Люди гибнут от неурожая и эпидемий, элита занята междоусобными войнами, ослабевшее государство не способно себя защитить. В результате, часть населения вымирает. Начинается новый цикл. Нехватка рабочих рук приводит к удорожанию труда, повышению уровня жизни и росту населения. Когда потери восполняются, происходит новый кризис.

Цикличность кризисов была обоснована на примерах средневековой Европы, Китая, стран Древнего Востока. Здесь же стали очевидны недостатки теории. Главным пробелом является отсутствие анализа психологии социальных групп, вовлеченных в кризис⁶. Между тем известно, что во время системных кризисов и катастроф в обществе нарастают явления *аномии* (от фр. *anomie* – отсутствие закона) или *общественного хаоса*. Рушится система ценностей, падает нравственность, растет преступность, религиозность сменяется суевериями. Народ легко превращается в толпу, бездумно идущую за случайным вожаком. В этот период люди особенно восприимчивы к слухам и различного рода мифам.

В России неомальтузианское направление развивает С. А. Нефёдов. В книге «Демографически-структурный анализ социально-экономической истории России. Конец XV – начало XX века» (2006) он предложил новую трактовку вхождения России в кризис Смутного времени. Нефёдов полагается на данные о демографии и хозяйстве России и пытается увидеть прошедшее без покрывала исторических мифов. Ниже кратко изложена неомальтузианская версия событий Смуты.

Смута как социально-экономический кризис. Согласно Нефёдову во второй половине XVI века Россия вступила в фазу относительного перенаселения в областях исторического проживания русского народа. Ухудшение жизни крестьян и городской бедноты усугубилось благодаря активной внешней политике Ивана Грозного, требующей людских и материальных средств. Царь постоянно увеличивал число служилых людей, жалуя им поместья, и повышал налоги на тяглых людей. Следствием стали голод, эпидемии и массовая гибель крестьян в 1568–1571 гг. Северозападные области страны опустели, стало некому кормить воинских людей и царю пришлось в 1582 г. закончить Ливонскую войну на невыгодных для России условиях.

⁶ Эти недостатки были устранены в исследованиях П. Б. Турчина (Turchin P. Historical dynamics: Why states rise and fall. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2003; Turchin P. War and peace and war: The life cycles of imperial nations. New York: Pi Press, 2006).

Вопреки неомальтузианской теории, бунтов не было, что Нефёдов связывает с сильной государственной властью. Крепкая власть при Иване Грозном действительно была, но препятствием для бунтов служили не войска и опричники, а народная любовь к грозному и справедливому государю Ивану Васильевичу (герою скорее мифологическому). Нефёдов преувеличил масштабы вымирания крестьян. Запустение хозяйств чаще было связано не с вымиранием, а с бегством крестьян. Ведь на просторной Руси всегда находилось куда убежать, особенно после обширных завоеваний Грозного.

При Фёдоре Ивановиче и Годунове правительство старалось угодить дворянам – главному войску страны. После голода 1568–1571 гг. помещики остались без рабочих рук. Мужики не только мёрли, но стремились уйти на монастырские земли, в боярские вотчины или вообще утечь незнамо куда. Правительство под давлением нищавшего дворянства, пошло на закрепощение крестьян. В 1592–1593 гг. вышел указ о «заповедных годах», запрещавшие выход крестьян с земель помещика, а в 1597 г. был установлен 5-летний срок сыска беглых. Для крестьян настала тяжкая пора: помещики произвольно увеличивали барщину и оброк. Хотя запрет на выход касался только владельца двора, а не младших братьев и сыновей, помещики с этим не считались: непокорных заковывали в «железа».

1580-е и 1590-е годы были временем расселения русского народа. От тягот поместной жизни крестьяне толпами уходили на юг и юго-восток, заселяя Черноземье и Поволжье. Скапливались, наконец, плоды побед Ивана Грозного. Укрепления *засечной черты*, продвинутые на юг по указанию Грозного, прикрывали переселенцев от набегов татар. Переселялись на юг и обнищавшие дворяне. Там лежали плодороднейшие земли, ныне известные как русское Черноземье. О размахе колонизации можно судить по строительству городов и распашке земли. В 1585 г. построены крепости Ливны, Елец, Воронеж, в 1586 – Самара, в 1589 – Царицын, в 1590 – Саратов, Цивильск, Ядринск, в 1593 – Оскол, Валуйки, в 1599 – Царев-Борисов. За 4 года (1585–1589) размеры пашни в Тульском уезде увеличились в два с лишним раза; в Каширском уезде распахали 2/3 земель, в Свияжском – 9/10.

Девственный чернозём давал урожаи в 3–5 раз больше чем в центре. Поселенцы жили зажиточно, но небезопасно – татары давали о себе знать. Многие крестьяне записались в казаки и в стрельцы: стали воинами-пахарями. Освоив пицаль, они могли ссадить с седла пулей набеглого татарина или конного дворянина. Переселенцы дворяне держались за статус, но, не имея крепостных, часто пахали сами. Правительство раздавало наделы и служилым казакам, нередко переводя их в боярские дети (чин дворянства). Переселенцев заставляли пахать «десятинную государеву пашню» и строить крепости. Царскую барщину должны были исполнять не только крестьяне, но боярские дети и казаки. Раздраженное население юга, закаленное в схватках с татарами и хорошо вооруженное, представляло опасность для власти, тем более для неприродного царя Бориса Годунова.

В 1601 г. пришла беда: летом в центральной России выпало необычно много дождей, хлеба полегли, а ранние заморозки их доби́ли.⁷ В прежние времена свободные крестьяне всегда имели запасы, но теперь у крепостных, обобранных помещиками, не было зерна ни для пропитания, ни для посева. Начались волнения, и правительство уже в ноябре 1601 г. издало указ о крестьянском выходе. Крестьяне вновь получили право уходить от помещиков, но не от богатых московских дворян или с монастырских земель, а от мелких провинциальных помещиков, т. е. богатых землевладельцев обязали кормить своих крестьян, а уход от бедных помещиков давал крестьянам шанс на спасение. Замысел был неплох – ведь запасы хлеба в стране были: в монастырях, у богатых помещиков, у крестьян юга России, да и на севере недород был не повсеместно.

⁷ Похолодание было вызвано извержением в 1600 г. перуанского вулкана Хуаинапутина, выбросившего в атмосферу огромное количество пепла.

Но владельцы хлеба его придерживали. Исаак Масса, живший в Москве, писал: «Запасов хлеба в стране было больше, чем могли бы его съесть все жители в четыре года... у знатных господ, а также в монастырях и у многих богатых людей амбары были полны хлеба, часть его погнила от долголетнего лежания, и они не хотели продавать его...». Цены стремительно росли. Весной 1601 г. четверть пуда ржи стоила 30 денег, а в феврале 1602 г. – рубль (200 денег). Весной мороз погубил посевы озимых. Осенью 1602 г. цена ржи достигла 3 рублей за четверть. Разразился страшный голод. Масса пишет: «...наступила такая дороговизна и голод, что подобного не приходилось описывать ни одному историку... Так что даже матери ели своих детей... ели также мякину, кошек и собак... И на всех дорогах лежали люди, помершие от голода, и тела их пожирала волки и лисицы». Годунов приказал выдавать в Москве хлеб из государевых житниц. Прослышав об этом, в Москву стал стекаться люд со всей Руси, хлеба не хватало и люди умирали на улицах. Авраамий Палицын сообщает, что в Москве было похоронено 127 тыс. погибших от голода.

Разбой охватили всю центральную Россию. В 1603 г. вспыхнуло восстание Хлопка с трудом подавленное. В 1604 г. на границе с польской Украиной, в Северской земле, появился с небольшим отрядом юноша, объявивший себя царевичем Дмитрием, чудом спасшимся от убийц. Северская земля его поддержала. Крестьяне не хотели закрепощения, казаки и дворяне не желали нести тяготы «государевой пашни» и были не прочь пограбить богатых московитов. Беглые холопы Годунова ненавидели, многие были повстанцами Хлопка. «Царевич» обещал всем всё: «живущим во градах и селех от большого чину до малого великую свою милость показать: оным величество и славу, оным богатство и честь, иным вольность и во всех винах пощада». Народ откликнулся. В мае 1605 г., после смерти Годунова, самозванцу присягнуло царское войско, стоявшее под Кромами. Сын Годунова, Фёдор, и его мать были задушены. В июне 1605 г. «царевич» вступил в Москву и 21 июля венчался на царство.

Часть своих обещаний новый царь выполнил. Дворянам он увеличил денежные и земельные оклады за счёт денег, выданных из царской и монастырской казны, и намеченного им пересмотра монастырских земельных владений. Южные районы, отблагодарил за поддержку, на 10 лет освободив от налогов и отменив отработку «десятинной пашни». Указом от 1606 г. он *признал законным уход* крестьян от помещиков во время голода 1601–1603 гг., если они «сбредли от бедности»^[1]. Указ закреплял беглого крестьянина за тем помещиком, «кто его голодное время прокормил». Этот указ был выгоден южным помещикам, ведь именно на хлебный юг бежал народ от голода. «Дмитрий» облегчил положение холопов, указав вписывать в кабальную запись на холопство имя только одного владельца.⁸ При нём готовился к изданию новый «Судебник», где сохранялось право крестьянина на выход от помещика в «Юрьев день».

Годы 1604–1606 были для России благополучными: хлеба в стране вновь было с избытком, и цены на рожь вернулись к тем, что были до голода. В связи с нехваткой рабочих рук, реальная плата за труд возросла против старых сытых времен в полтора раза. Но собирать налоги в прежних размерах стало сложно, ведь число тяглых людей уменьшилось. Между тем, «Дмитрий» остро нуждался в деньгах для выплаты наделанных долгов и подготовки войны с Турцией. Весной 1606 г., после сбора налогов в казну, современники отметили, что «Дмитрий стал тяжёл подданным в податях». 17 мая 1606 г. «Дмитрий Иоаннович» был убит боярскими заговорщиками. 1 июня 1606 г. бояре избрали на престол главу заговора – Василия Шуйского.

Нефёдов не называет причину, запустившую системный кризис в России, поскольку она не укладывается в неомальтузианскую концепцию. Между тем, она очевидна – это убийство боярами любимого в народе царя. В течение года правления «Дмитрия Иоанновича» в России было спокойно, теперь же страна всколыхнулась: поднялся мятежный юго-запад. Нашелся и

⁸ По закону, принятому ещё Годуновым, кабальный холоп освобождался после смерти хозяина, но дворяне закон обходили, вписывая в кабальную запись несколько владельцев – обычно отца и сына.

вождь. Им стал Иван Болотников, решивший постоять за якобы спасшегося царя. Во главе войска из казаков, мелкопоместных дворян и крестьян Болотников дошел до Москвы и в октябре 1606 г. осадил столицу. В «листах», обращенных к городской бедноте и холопам, он призывал, чтобы они расправлялись с врагами царя Дмитрия – «побивали бояр... гостей и всех торговых людей» и захватывали их имения. Повстанцы говорили: «Идем вси и приимем Москву, и потребим живущих в ней и обладаем ею, и разделим дома вельмож сильных, и благородные жены их и тщери приимем о жены себе».

Царь Василий спешно собирал войска. Чтобы вознаградить верных ему людей, он разрешил превращать захваченных повстанцев в холопы. Одновременно, Шуйский обещал свободу холопам – перебежчикам из войска Болотникова. Больше всего он стремился угодить дворянам – главной военной силе государства. В марте 1607 г. царь утвердил «Уложение», где запрещал любые переходы крестьян и разрешал помещикам требовать их возвращения вместо пяти до пятнадцати лет. Василий раздавал дворянству не поместья, а вотчины⁹: он даровал вотчины 2000 дворянам. Усилия Шуйского принесли успех: ему удалось перетянуть на свою сторону многих дворян из войска Болотникова и, в конечном итоге, разбить его.

В 1607 г. на западных границах России появился самозванец, утверждавший, что он спасшийся царь Дмитрий. Летом 1608 г. его армия подошла к Москве и сделала ставку в селе Тушино – отсюда пошло прозвище самозванца – «Тушинский вор». Состав его армии был пестрый: польские искатели фортуны, дворяне, казаки, остатки болотниковцев. Вор всячески стремился перетянуть к себе боевых холопов.¹⁰ Конрад Буссов пишет: «Дмитрий приказал объявить повсюду..., чтобы холопы пришли к нему, присягнули и получили от него поместья своих господ, а если там остались господские дочки, то пусть холопы возьмут их себе в жены и служат ему. Вот так-то многие нищие холопы стали дворянами». К сказанному Нефёдовым следует добавить, что ни Болотников, ни Тушинский вор ничего не сделали для облегчения положения крестьян. Их популистские шаги ограничились сменой владельцев части поместий, когда помещиками становились холопы или казаки. После убийства Вора (декабрь 1610) гражданская война в России сменилась борьбой против интервентов. Провозглашение Земским собором царя Михаила Романова (21 февраля 1613 г.) означало завершение гражданской войны.

Нефёдов проводит параллель между демографической катастрофой в России в XVI в., приведшей к закрепощению крестьян, затем к голоду и Смуте, и Великой Чумой XIV в. в Англии, когда из-за нехватки рабочих рук выросла плата батракам, на что лендлорды запретили им менять хозяев. Беднота ответила восстанием Уота Тайлера, подавленным феодалами. Затем феодалы боролись друг с другом за скудные людские ресурсы – началась «война Роз». На самом деле, события в Англии мало похожи на Смуту. Хотя во время голода 1601–1603 гг. происходили крестьянские бунты (Хлопко и др.), основным ответом на закрепощение крестьян было бегство их на юг, «показачиванье». *Во время Смуты не было крестьянской войны: крестьяне самостоятельно не бунтовали, а присоединялись к движениям, обещавшим «доброего царя».*

Для крестьян последствия Смуты были неопределенны – крепостную зависимость не отменили, но и не ужесточили^[2]. Нефёдов по этому поводу пишет: «В конечном счёте, главная причина войны – проблема крепостного права – так и не получила своего разрешения. Положение оставалось противоречивым: формально законы о прикреплении крестьян и 5-летнем сроке сыска остались в силе, но фактически они не действовали. На Юге крестьяне официально могли уходить от помещиков; в других районах они уходили, не обращая внимания на

⁹ В XV–XVII вв. поместья, в отличие от вотчин, нельзя было продавать, дарить, передавать по наследству. Поместье можно было отобрать за плохую службу помещика. В XVIII в. все поместья стали наследственными.

¹⁰ Боевые холопы составляли значительную часть российского войска. Жили они при усадьбах бояр и богатых дворян. Многие сами были обедневшие дворяне, записавшиеся в холопы.

законы». Главным итогом Смуты, заключает Нефёдов, «была всеобщая разруха». С заключением можно согласиться, хотя непонятно, что тут внёс неомальтузианский анализ.

Роль личности в истории. Неомальтузианский подход страдает тем же недостатком, что исторический материализм – упрощением. Все сводится к схемам: у неомальтузианцев – к соотношению численности трудящихся и элиты и перепроизводству, у марксистов – к производственным отношениям и классовой борьбе. Разница не так уж велика. В обоих случаях нет анализа общественной психологии людей того времени – этносов и социальных групп. Выпадает из рассмотрения человек, а вместе с ним – роль личности в истории. Между тем, история изобилует примерами, когда один человек влиял на судьбу народа или государства. Особенно возрастают возможности подобных людей в переломные моменты истории, в частности, в периоды кризисов.

Роль личности в истории вполне согласуется с теорией систем. Ведь в случае кризиса системы её ритмы разбалансированы, возможности перехода в другие состояния резко возрастают и сравнительно небольшие воздействия приводят к далеко идущим последствиям. Возникает известный в теории хаоса эффект бабочки, когда машущая крыльями бабочка может вызвать лавину событий, в результате чего за тысячи километров пойдёт дождь. В человеческом обществе действуют не порхающие бабочки, а личности, активные и нередко облачённые властью. Их жизнь и дела обрастают легендами и нередко трудно разобраться, где кончается реальность и начинается миф. Понять, как создавались мифы Смутного времени, можно из записей современников – людей XVII в., страстных и предвзятых, склонных видеть мир в чёрно-белых красках.

1.3. Мифотворцы Смутного времени

Предвзятость источников. О Смутном времени остались многочисленные записи современников – русских и иностранцев. Казалось, историкам не составит труда воссоздать картину событий, но чем глубже анализ, тем больше сомнений возникает в достоверности сведений. Разочарованный Н. И. Костомаров писал: «Замечательно, что лживость, составляющая черту века, отразилась сильно и в современных русских источниках той эпохи до того, что, руководствуясь ими и доверяя им, легко можно впасть в заблуждения и неправильные выводы; к счастью, явные противоречия и несообразности, в которые они впадают, обличают их неверности». Следует заметить, что так же ненадежны и свидетельства иностранцев.

В записях современников Смуты бросается в глаза невиданное раньше личное отношение к событиям. Писатели русского Средневековья тоже были пристрастны, но они мыслили в системе моральных координат православия и встроенности человека и общества в христианский Космос. Здесь же автор становился не только свидетелем, пусть пристрастным, а судьей и творцом истории. Подобный индивидуализм есть знак Нового времени, пришедшего в Россию. Тем более, это относится к запискам европейцев, ведь Новое время ещё раньше появилось в Европе. Все это способствовало расцвету исторических мифов о Смутном времени.

1.4. Русские современники Смуты

Свидетели Смутного времени принадлежали к различным слоям общества – преобладали лица духовного звания, но были князья, дворяне, приказные. Происхождение и принадлежность к партиям определяли симпатии. Значение имело и время написания: новые реалии и конъюнктура постоянно меняли оценку событий. Ниже рассмотрены основные русские сочинения о Смуте с 1598 по 1630 годы в последовательности их написания. Главное внимание уделено не анализу их содержания, что блестяще сделал С. Ф. Платонов ещё на рубеже XX в., а личностям авторов и характеру их предвзятости в оценке людей и событий.

«Повесть о честном житии царя и великого князя Фёдора Иоанновича» написана после смерти Фёдора, но до избрания царем Годунова, т. е., между 6 января и 3 сентября 1598 г. Автор, патриарх Иов, стал первым русским патриархом в 1589 г. благодаря покровительству Годунова. «Повесть» создана в жанре житийной литературы, но отличается идейно: за традиционным для жития описанием жизни усопшего праведника скрыта неизвестная раньше в России агитация по выбору нового царя. Иов в самых возвышенных тонах описывает Фёдора Ивановича. Царь был «благочестив, милосерден, нищелюбив и странноприимец». При нем Россия цвела, и во всех делах ему помогал советник Борис Годунов. Этому «изрядному правителю» обязана Россия процветанием. Повесть подводит читателя к мысли, что для России не может быть лучше царя, чем Годунов – ведь Фёдор возложил на него свою золотую цепь: «сим паки на нём преобразуя царского своего достояния».

«Сказание о Гришке Отрепьеве» также прославляет избрание царя, но не Годунова, а Василия Шуйского. «Сказание» написано неизвестным автором во время подготовки к венчанию на царство Шуйского (1 июня 1606 г.). В нём автор обличает не только самозванца, но и Бориса Годунова – гонителя бояр и убийцу царевича Дмитрия. Согласно «Сказанию», народ понимал, что Годунов не истинный царь, и появление самозванца, назвавшего себя природным государем, привело к «смятению умов».

Шуйский первым понял самозванство «ростриги», и он же первым от него пострадал. Князя отвели на казнь и он, при скоплении народа, объявил, что погибает от рук «врага христианского, от еретика, от Гришки... умирает за правду». Всё же самозванец казнь заменил ссылкой. Возвратившись из ссылки, Шуйский видит, что самозванец и поляки вознамерились «разорить православную веру» и убить бояр и воевод. Тогда он с братьями обратились к москвичам и повели их в Кремль для расправы над «ростригой». Возглавлял их князь Василий, «скачюще на кони по площади и к рядам и вопиющи гласом велиим: Отцы и братия, православные христиане! постражите за православную веру, побеждайте врагов христианских!».

«Повесть како отомсти всевидящее око Христос Борису Годунову» сохранилась в составе сборника, известного под названием «Иное сказание». Известна ее сокращенная версия – «Повесть како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов». Повесть написана летом 1606 г. книгохранителем Троице-Сергиева монастыря Стахией. Стахий – поклонник боярского царя Василия Шуйского. Он ненавидит дворянских царей – Бориса и Лжедмитрия. Годунова он обвиняет в убийстве царевича Дмитрия и царя Фёдора. За его преступления Бог «попусти на него такого же врага и законопреступника... сынишку боярского Юшку Яковлева сына Отрепьева». В Москве расстрига разорил монастыри, соорудил «потеху» в виде треглавого ада, женился на «люторке» и волшебнице и «начат суботствовать римски, якоже обещася папе о том, в среду и в пяток и телчия мяса и прочие нечистоты ясти». Когда же замыслил перебить бояр и «всех православных христиан», против него выступил народ во

главе с Шуйскими и расстригу убили. На престол был избран «всею Российскою областию» благочестивый, «всех благоверных царей корене» Василий Иванович Шуйский.

«Извет старца Варлаама...». В «Иное сказание» введён «Извет старца Варлаама...», где описано бегство из России чернеца Григория, объявившего себя в Польше царевичем Дмитрием. Долгое время «Извет» считали литературным вымыслом. Но Е. Н. Кушева (1926) и И. А. Голубцов (1929) доказали, что «Извет» основан на челобитной Варлаама Василию Шуйскому. В царском архиве нашли текст челобитной и указания на дело Варлаама. Старец написал «извет» (донос) по возвращении из Польши осенью 1606 г. В нем он признается в бегстве за границу с Григорием, будущим самозванцем. Старец всячески хочет убедить власти в своей невинности. Он не уверен, что заслужит прощение, и заканчивает просьбой послать его на Соловки, т. е. в ссылку. Но «Изветом» остались довольны, и Варлааму разрешили поселиться в Смоленске в Авраамиевом монастыре.¹¹

Грамота об избрании Михаила Романова. Первым произведением, дающим оценку событий с точки зрения династии Романовых, является «Грамота утвержденная об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Фёдоровича Романова-Юрьевых», составленная в 1613 г. по поручению по поручению Земского собора. Цель грамоты – показать законность возвышения Романовых.

«Пискаревский летописец» составлен в 1612–1615 годы в Нижнем Новгороде. Предполагаемое авторство московского печатника Н. Ф. Фофанова не доказано. О Смуте в «летописце» писали, скорее всего, два автора, примером чему служат записи о Годунове. Вначале о Борисе написано непредвзято – об опалах бояр там сказано: «поделом ли, или нет, то бог весть». Затем, после записей от 1592, 1593 и 1594 гг., появляется запись от 1591 г.: «Искони ненавистник, враг роду христианскому и убийца человеком, злый раб... Борис Годунов... повелевает убити... благородного царевича Дмитрея Ивановича углецкого». Выглядит это как приписка. «Пискаревский Летописец» составленный в Нижнем Новгороде, выделяется описанием заслуг земляка – Кузьмы Минина, и подробно повествует о походе Второго земского ополчения, освободившего Москву.

«Хронограф 1617 года», написанный в Троице, доведен до 1617 г. Имя составителя неизвестно. В «Хронографе» Годунов представлен узурпатором, а Отрепьева сравнивают с Юлианом.¹² Но отношение к Годунову мягче, чем в «Повести како отомсти». Автор примирительно пишет: «...не бывает же убо никто от земнородных беспорочен в житии своем». Об участии Бориса в убийстве царевича Дмитрия он осторожно пишет: «многи же глаголаху...». Мера добра и зла соблюдается и в оценке Годунова: «Аще бы не терние завистных злобы цвет добродетели того помрачи, то мог бы убо всяко древним уподобиться царем». Автор не видит заслуг Василия Шуйского в свержении самозванца. Царём он стал благодаря хитрости: в народ были посланы люди, его выкликнувшие. Иначе автор относится к Романовым: он превозносит их происхождение и заслуги.

«Сказание» Авраамия Палицына – писалось с 1612 по 1620 г. Автор – келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий, по его словам сыграл важнейшую роль в освобождении Москвы и избрании на престол Михаила Романова. Авраамий, в мире Аверкий, происходил из

¹¹ Варлаам прогадал: в 1609 г. Смоленск был осажден поляками и взят после тяжелой осады. Впрочем, шустрый старец, скорее всего, сбежал из Смоленска.

¹² Юлиан Отступник – римский император (361–363), пытался возродить античное язычество и сделать его государственной религией вместо христианства. Христиане объявили ему анафему.

древнего рода Палицыных. Предок его был прозван «Палицею» за то, что «действовал в боях железной палицей весом в полтора пуда». В молодости Аверкий служил воеводой в Коле, но в 1588 г. был сослан на Соловки, где принял монашество и имя Авраамий. В 1596 г. Авраамия перевели в Троице-Сергиев монастырь. При Шуйском он был «обласкан» и в 1608 г. назначен келарем – ведать монастырским хозяйством, а это 250 сел, 500 деревень и десятки тысяч крестьян. После свержения Шуйского Авраамий вошел в состав посольства к королю Сигизмунду: просить на престол его сына Владислава. Посольство успеха не имело, но король отпустил Авраамия с охранной грамотой и пожертвованиями, а митрополита Филарета отправил в плен в Польшу. Филарет не забыл ловкого келаря и, став патриархом, сослал его на Соловки. В 1620 г. старец завершил «Сказание», которое должно было оправдать его жизнь. Умер Авраамий в 1627 г. в Соловецком монастыре.

«Сказание», или, как его называл автор, «История в память предыдущим родам», состоит из пяти частей и 77 глав. Первые шесть глав, написанные в 1610 г., известные также в отдельном списке под названием «Сказание киих ради грех попусти...», охватывают события от смерти Грозного до свержения Шуйского. Авраамий считает, что царевич Дмитрий сам подтолкнул Годунова к убийству ненавистью и «глумлением». В успехе самозванца автор винит не поляков и не коварный ум расстриги, а молчание русских людей. Его свержение произошло не трудами Шуйского, а по воле Бога. «Сказание» является главным источником сведений об обороне Троице-Сергиева монастыря от войск Яна Сапеги и Александра Лисовского.¹³ Авраамий находился тогда в Москве, где продавал монастырское зерно, но он использовал записки защитников и создал подробную хронику событий. Главная его мысль, что Троицкая обитель была спасена Божиим Промыслом и заступничеством святого Сергия.

Авраамий отводит себе решающую роль в освобождении Москвы от поляков. Он с архимандритом Дионисием рассылал грамоты по городам с призывом «прийти в сход под царствующий град Москву». Получив грамоты из Троицы, в Нижнем Новгороде избрали воеводой князя Дмитрия Пожарского, а помощником для «земские казны збору» – Козьму Минина [ни слова о почине Минина в сборе средств на ополчение!]. Войско пошло к Ярославлю и там остановилось. Тогда старец Авраамий поехал в Ярославль и молил спешить под Москву. Пожарский послушал старца и послал к Москве часть войска, сам же хотел остановиться в Троице, ибо боялся, что под Москвой его убьют казаки. Келарь же напомнил слова Евангелия: «Не убойтесь от убивающих тело, души же коснуться не могущих». Оставив страх, пошел князь Дмитрий под Москву и Авраамия взял с собой.

Подошел и польский гетман Ходкевич с войском. Три дня бились они с полками Пожарского. На третий день гетман нанёс поражение русским и единственная надежда была на помощь казаков. Пожарский и Минин умоляли Авраамия просить казаков стоять против врагов. Келарь поспешил к казакам, поучил их Писанию и уговорил постоять за веру. Казаки, умилившись, пошли в бой с кличем: «Сергиев, Сергиев»!¹⁴ Поспешили и воеводы «и бысть врагом велика погибель».

Без Авраамия не обошлось и избрание на царство Михаила Романова. Перед выборами царя, многие приходили к нему и говорили, что хотят царем Михаила. Старец возрадовался, пошел и возвестил Собору. Они же возблагодарили Бога. Наутро Собор избрал царем Михаила. Старца отправили в составе посольства в Ипатьев монастырь в Кострому бить челом инокине Марфе, чтобы благословила сына на царство. Инокиня же лишь слезы лила. Тогда Феодорит и Авраамий взяли иконы и вновь молили инокиню. И согласилась Марфа Ивановна. Венчался Михаил на престол в Успенском соборе в лето 7121-е (1613).

¹³ Отряды Сапеги и Лисовского были тогда на службе у Лжедмитрия II.

¹⁴ По другим источникам, Авраамий умилил казаков обещанием монастырской казны.

«**Временник**» **Ивана Тимофеева** составлен в 1616–1619 гг. Тимофеев служил дьяком в Москве, в 1607 г. был направлен в Новгород, где оставался после занятия города шведами; там он начал писать «Временник». Позже он работал дьяком в Ярославле, Нижнем и Астрахани и в 1628 г. вернулся в Москву. «Временник» Тимофеева содержит пять глав; полностью закончены главы о царствовании Ивана Грозного, Фёдора, Годунова и «расстриги». Пятая глава, о Шуйском, осталась незавершённой. «Временник» привлек внимание современников разработкой теории царской власти.

Тимофеев – сторонник самодержавия. Он считает, что царь – наместник Божий на земле, и подданные не вправе его судить. Царство, потерявшее царя, подобно вдове, потерявшей мужа. Если Бог лишает государство царя – это великое наказание. Тимофеев считает законными царями потомков Калиты и Романовых. Годунов и Шуйский, не говоря о «расстриге» – цари «мнимые», получившие престол не по наследству и не по избранию земли. Вокруг царя должны стоять лучшие, знатнейшие люди, привыкшие к управлению. В том, что Грозный, Годунов и самозванец стали приближать к себе незнатных людей – дворян, Тимофеев видит одну из главных причин Смуты.

Тимофеева возмущает «рабо-царь» Годунов, возвысившийся «от низших степеней». Борису он приписывает все мыслимые преступления. Он вместе с Богданом Бельским тайно убил Ивана Грозного, он же пресек жизнь малолетнему Дмитрию и, как «глаголят неции», отравил царя Фёдора. Вместе с тем, Тимофеев признает ум Годунова, превосходящий разум даже умных царей, и его заботу о процветании России. Интересны зарисовки о хитростях Бориса при избрании царём. Когда народ у Новодевичьего монастыря молил его принять царский венец, он обернул плат вокруг шеи в знак того, что удавится, если они будут настаивать. Был там и некий «отрок наущен», забравшись под окно кельи царицы Ирины, он вопил «яко во уши той», умоляя благословить брата на царство.

Рассказ Тимофеева о царствовании «ростриги Гришки» выдержан в ругательном тоне. Для сноба Тимофеева, Отрепьев «худого рода». Послан он, чтобы поразить страхом властолюбца Годунова. Был же «рострига» жесток, нагл и вместе дерзок, как Иуда. В отличие от других авторов, Тимофеев не утверждает, что Отрепьев сделал дочь Годунова Ксению своей наложницей. Он лишь предполагает: «И чудо, аще не бе ото отступника той тайноругательно что?». Не лучше относится Тимофеев и к «мнимому царю» Василию Шуйскому. Он обвиняет его, что тот воцарился без благословения патриарха и решения всей земли, что царствовал в блуде, пьянстве, пролитии невинной крови и в богомерзких гаданиях. Шуйский не смог навести порядка в стране и из зависти убил племянника – Михаила Скопина-Шуйского. За всё это он был бесчестно сведен с престола и отправлен на позор в чужую землю.

«**Словеса дней и царей и святителей московских**» Ивана Хворостинина привлекает внимание необычной для России начала XVII в. личностью автора. Князь Иван Хворостинин в юные годы получил должность кравчего¹⁵ при дворе «царя Дмитрия» (Отрепьева). Иностранцы, бывшие тогда в Москве, объясняют причину его возвышения. Исаак Масса пишет, что самозванец «растлил одного благородного юношу из дома Хворостининых... и держал этого молокососа в большой чести, чем тот весьма величался и всё себе дозволял». Станислав Немоевский ему вторит: «Красивый юноша в 18 лет, невысокий и, как говорят, любил великого князя а *secretis*». Фавор князя закончился со смертью самозванца. Царь Василий сослал его в монастырь. После свержения Шуйского Хворостинин участвовал в освобождении Москвы. При Михаиле Романове Хворостинин служил воеводой. В 1622 г. Хворостинина постигла опала. Ему вменили следующие «вины»:

¹⁵ Кравчий служил царю на пиршествах. В его ведении были стольники, подававшие блюда.

«Впал в ересь... православную веру хулил, постов и христианского обычая не хранил... образа римского письма почитал наравне с образами греческими... говорил, что молиться не для чего и воскресенья мёртвых не будет... всю Страстную неделю пил без просыпу, накануне Светлого воскресенья был пьян... промышлял, как бы отъехать в Литву... говорил в разговорах, будто на Москве людей нет, все люд глупый... будто же московские люди сеют землю рожью, а живут все ложью».

В 1623 г. князя сослали в Кириллов монастырь. Там он раскаялся, был прощён патриархом Филаретом и возвращён в Москву. Прощенью способствовали написанная им повесть «Словеса дней и царей» и трактат в стихах «Изложение на еретики-злохульники». Умер Хворостинин в 1625 г. Повесть «Словеса дней и царей» далека от вольномыслия; недаром в её подзаголовке указано: «Написано для исправления и чтения любящих благочестие». В повести кратко описана история Смуты, но достоверность воспоминаний автора сомнительна.

«Повесть книги сея от прежних лет...» имеют дату написания, указанную в конце заглавия – «лето 7134-ое июля в 28-й день», т. е. 28 июля 1626 г. Известно несколько ее редакций. В одной из них в конце есть вирши, что «книги сей слагатай» сын князя Михаила «роду Ростовского сходатай», т. е. Иван Михайлович Катырев-Ростовский. В другой редакции указано авторство «многогрешного в человецех Семёна Шаховского» – князя Семёна Ивановича Шаховского. Есть списки без указаний на авторство. Список, написанный (или обработанный) Шаховским, носит название «Летописная книга» или «Хроника». Редакция Катырева-Ростовского от 1626 г. известна под названиями «Повесть книги сея» и «Повесть 1626 г.».

«Летописная книга» Семёна Шаховского начинается с царствования Ивана Грозного, казнившего вельмож, «данных от бога». Сын его, Фёдор, царствовал безмятежно. Помощник его, Годунов, был «разумен в правлениях», но слушал ложные шептания и велел убить царевича Дмитрия. После смерти Фёдора, Бориса зывали на царство кто «от препростого ума своего», кто им научен был, а кто из страха. При Борисе страна процветала, но он «возлюбил доносы» и стал расправляться с боярами. Тогда Бог покарал Россию голодом, а на Бориса за кровь Дмитрия наслал самозванца. О «ростриге Гришке» сказано, что он продал душу дьяволу, обещавшему ему царство. Автор обеляет родственника – Н. М. Шаховского и других воевод, перешедших на сторону самозванца: по его словам, их насильно выдали ростриге. Выгорожен и другой родственник – Пётр Басманов, убитый, защищая самозванца. О нем сказано, что «лепообразный и мужественный ополчитель боярин Петр Басманов» погиб «от народу».

Шаховской не видит заслуги Василия Шуйского в восстании против «Ростриги». В цари Шуйский попал хитростью: его посланцы подговорили народ кричать за царя Василия. Он же виновен в смерти Михаила Скопина: «Отравлен бысть от царя Василия зависти ради». Удостоены похвалы полководцы Лжедмитрия II. [Шаховской «отбегал» к нему в Тушино]. Свержение Шуйского, его пострижение и передача полякам не вызывают у Шаховского сожаления. Зато он превозносит решение «всего царского синглита» во главе с патриархом Гермогеном избрать на престол королевича Владислава. [У Палицина Гермоген показан как противник избрания Владислава]. В отличие от «Сказания» Палицина, в «Летописной книге» Кузьма Минин показан истинным организатором второго ополчения.

«Повесть 1626 г.» Ивана Катырева-Ростовского, по сравнению с «Хроникой», содержит меньше обвинений царям. Годунов здесь умирает от болезни, а не от «божьего мщенья». Смягчена критика царя Василия: поражение под Калугой не есть «проявление божия гнева», и он не виноват в отравлении Михаила Скопина – молодой князь умер своей смертью. Удостоены похвалы верные присяге воеводы, в частности, М. П. Катырев, до конца сражав-

пийся с самозванцем. Основной вывод автора: все цари, кроме самозванцев, законны. Измена им – клятвопреступление. Но Катыревы-Ростовские всегда оставались верны престолу.

«Повесть о победах Московского государства...» написана во второй половине 1620-х годов. Автор неизвестен. Судя по содержанию повести, он – смоленский дворянин, участник войны с Болотниковым, похода Скопина-Шуйского, освобождения Москвы от поляков, последующих войн до 1619 г. Ему известны подробности обороны Смоленска в 1610–1611 гг. Эти боевые сюжеты легли в основу «Повести». Автор в самых возвышенных тонах пишет о царе Василии Шуйском, что было редкостью в 1620-е годы, и восхищается воинским даром, умом и красотой Михаила Скопина-Шуйского. Описана героическая оборона Смоленска и странствия смоленских дворян, получивших после падения города поместья в арзамаских землях. Со смолян началось нижегородское ополчение. Кузьма Минин, услышав, что храбрые смоляне поселились неподалеку, возрадовался и предложил собрать деньги, чтобы пригласить таких воинов в Нижний Новгород. Тема доблести смоленских дворян проходит красной нитью через повесть.

«Рукопись Филарета» является одним из черновых вариантов летописи, над которой работали при патриаршем дворе в конце 1620-х годов. В «Рукописи» описан период от начала царствования Шуйского до воцарения Михаила Романова, т. е. 1606–1613 гг. «Рукопись» – одно из немногих произведений, написанных после низложения Шуйского, где его восхваляют. Утверждается, что князь Василий взойшел на престол по единодушному желанию народа. Он благочестив, мудр, храбр и не любит проливать христианскую кровь. Его свержение произошло из-за измены бояр, предательства наёмников и распущенности народа. Подобная апология, скорее всего, заимствована из недошедшей до нас летописи Гермогена, ведь Гермоген, возведенный на патриаршество Шуйским, был его сторонником. Взгляды составителей черновика, очевидно, не удовлетворили патриарха Филарета; поддержку получила версия событий, известная как «Новый летописец».

«Книга глаголемая новый летописец», обычно именуемая Новый летописец, была завершена к 1630 г. и после одобрения Филаретом стала официальной летописью династии Романовых. Новый летописец был составлен в результате совместной работы дьяков Посольского приказа и патриаршего штата. Текст летописца, содержащий 431 главу, представляет компиляцию из летописей, повестей и документов и охватывает период с 1584 по 1630 г. Новый летописец писался с целью обосновать право Романовых на царский престол. Лишь Романовы – «племя и сродство царское» могут быть наследниками «благочестиваго корени» московских царей. После смерти Фёдора Ивановича и до воцарения Михаила Романова не было на престоле по-настоящему законных царей. Годунов показан готовым на все честолюбцем. Он дважды организует заговор, чтобы убить царевича Дмитрия. Став царем, Борис жестоко преследует родственников Фёдора – Романовых. Страдания опальных Романовых описаны в подробностях, позволяющих предположить участие в их описании самого Филарета.

Составитель летописи не симпатизирует и Василию Шуйскому, отмечает сокрытие им убийства царевича Дмитрия и незаконное избрание на царство. Но он не склонен чрезмерно обвинять царя Василия. Василий не виновен в отравлении Скопина-Шуйского. Сведение Василия с царства показано как измена. Из духовенства восхваляется патриарх Гермоген и митрополит Филарет. Оба непреклонные борцы за Веру и Отчизну. Филарет готов скорее остаться в плену, чем согласиться на уступку полякам российских земель. Народ понимает, что только племянник царя Фёдора и сын великого рода боярина Фёдора Никитича Романова (Филарета) достоин Московского государства. Об избрании Михаила на престол и Филарета на патриаршество молила вся Русская земля.

Истинные и ложные цари глазами современников Смуты. Представления о сакральной природе московских царей (царями называли великих князей, начиная с Василия Тёмного) сложились в первой половине XVI в. трудами чёрного духовенства, в первую очередь, старца Спиридона, выводившего Рюриковичей из рода императора Августа, старца Филофея, утверждавшего, что Русское государство есть Третий Рим, и Иосифа Волоцкого, заявлявшего: «От вышняя Божия десница поставлен еси самодержец и государь всея Руси». Московская традиция поднимала русских царей несравненно выше византийских василевсов (императоров). Как пишет Б. А. Успенский, «в Византии наименование монарха василевсом (царём) отсылало, прежде всего, к имперской традиции – византийский василевс выступал здесь как законный наследник римских императоров. В России наименование монарха царём отсылало, прежде всего, к религиозной традиции, к тем текстам, где царем назван Бог». В Византии власть василевса существовала параллельно с властью православной церкви. В России при Иване IV царь встал над церковью и был ответственен лишь перед Богом.

Другим отличием русских царей от василевсов был династический принцип. Династии василевсов были недолговечны: история Византии изобилует дворцовыми переворотами, к власти часто приходили люди незнатные, даже не греко-римляне. Среди императоров были фракийцы, иллирийцы, готы, исавры, армяне. Московским престолом от первого князя Даниила Александровича до Фёдора Ивановича владели Рюриковичи – потомки Александра Невского и Дмитрия Донского. *Богоизбранность московских Рюриковичей означала при пресечении династии национальную трагедию несравнимую с династическими кризисами в европейских странах*, тем более, в Византии. В этом одна из причин Смуты.

Русские современники Смуты не сомневались в божественной природе царской власти. Одни прямо писали, что царь есть наместник Бога на земле и хранитель вверенного ему царства, другие это подразумевали, но все понимали, что без царя нет России. Поэтому было важно отличить царя праведного от неправедного, ибо с праведным царем Московское государство расцветёт, а с неправедным погибнет. Главный идеолог тех времен, Тимофеев, различает царей «истинных» и «природных» и царей по внешнему подобию – «чрезъ подобство насакающих на царство». Истинные цари есть цари праведные и не потому что милостивы, а потому что с ними Промысл Божий. Здесь «праведный» означает не «справедливый», но «правильный». В этом смысле, тиран Иван Грозный не меньше праведный царь, чем сын его, незлобивый Фёдор.

Праведность, т. е. правильность, царей московской династии, идущей от Александра Невского, принимали все русские авторы, писавшие о Смуте. По-другому оценивали Годунова и Шуйского. Их восхваляли, пока они царствовали, позже же осуждали за узурпацию престола. Патриарх Иов, обязанный Годунову патриаршеством, восхвалял Бориса ещё до избрания царем. Остальные, писавшие после смерти Годунова, считали его царем неправедным. Василия Шуйского в годы царствования славословили, но после свержения большинство авторов сомневалось в законности его избрания. Зато про царствующего Михаила Романова все дружно утверждали, что он царь истинный, праведный, избранный по воле и мольбе всей земли.

Рассуждения о праведных и неправедных царях не следует понимать буквально. Тот же Годунов был избран «всею землею» и был почитаем в народе до наступления в стране голода. Михаил Романов, напротив, избирался с трудом: он не был достаточно родовит – не Рюрикович и не Гедиминович, слишком молод (16 лет) и вместе с матерью и изменниками боярами до последних дней находился в занятом поляками Кремле. Родовитые бояре несколько раз отводили его кандидатуру. Лишь поддержка грозных тогда казаков, престиж отца, митропо-

лита Филарета, сидевшего в плену в Польше, и, самое главное – родство Михаила с праведным царем Фёдором Ивановичем (его дядей),¹⁶ склонили в его сторону выборных Земского собора.

Особо следует сказать о самозванных «царях» и «царевичах», а их за время Смуты появилось больше двадцати. Все они, даже Тушинский вор, воспринимались как очередные злодеи, но расстрига или Гришка Отрепьев вызывал сложные чувства, где смешивались возмущение и ужас. Всех поражала удачливость самозванца, его венчание на царство и царствование в Москве. О «ростриге» русские авторы писали больше чем об остальных самозванцах вместе взятых, ему посвящено «Сказание о Гришке Отрепьеве». В нем видели не просто злодея, но антицаря. Если законный царь получает власть от Бога, то антицарь – от дьявола. Тимофеев пишет, что расстригу на царство «венчали бесы» по указке дьявола. От дьявола идет колдовская сила Отрепьева, игрища бесов над его могилой и необходимость сожжения трупа «из боязни гнева земли».

¹⁶ Тогда в родстве не различали родных и двоюродных дядей.

1.5. Европейцы о Смуте

Европейцы в России начала XVII в. В конце XVI – начале XVII вв. в России появилась масса европейцев; некоторые из них оставили дневники или написали книги. Труды европейцев, оказали влияние на русскую мифологию о Смутном времени, но не сразу, а через два столетия, когда с ними ознакомились в России. В числе первых русских, использовавших подлинники и переводы европейских современников Смуты, были Карамзин и Пушкин.

Европейцы, попадавшие тогда в Россию, делились на мирных и немирных. Одни приезжали по посольским и торговым делам, нанимались на воинскую службу, открывали мастерские. Были среди них «датские и аглянские и шпанские и францовские немецкие люди», «немецкие люди из шкот и цысаревы области, из голанских и борабанских земель». Всех их звали «немцами» и они искали выгод без завоевания России. В другую категорию входили поляки с «литвой». Их целью было завоевание русских земель. Первых иноземцев можно условно именовать «немцами», вторых – «конкистадорами».

Название «конкистадоры» (*исп.*, завоеватели) не случайно. Так о себе думали многие шляхтичи. Перед походом на Смоленск (1609) Сигизмунд III, чтобы убедить шляхту в легкости предстоящей войны, прибег к услугам Павла Пальчовского, написавшего сочинение с призывом завоевания Московии. Пальчовский сравнивал шляхтичей с конкистадорами, а Россию с империями Мексики и Перу. Он писал: «Несколько сот испанцев победили несколько сот тысяч индейцев. Московиты, может быть, лучше вооружены, но вряд ли храбрее индейцев». На завоеванных землях следует устроить колонии с польскими поместьями. «Веру и злые обычаи» русских следовало к «лучшему обратить», т. е. всех обратить в католичество. В 1609 г., по просьбе Сигизмунда III, папа утвердил в качестве небесного патрона похода на Москву святого Игнатия Лойолу, основателя ордена иезуитов.

Разделение европейцев на «немцев» и «конкистадоров» условно и подвижно: наёмники «немцы» легко меняли лояльность: сегодня служат царю, завтра – самозванцу, послезавтра – польскому гетману. «Свейские немцы» сначала выступали как наёмники Василия Шуйского против поляков. После свержения царя Василия шведы превратились в «конкистадоров», таких же жестоких как поляки, но гораздо более лицемерных – черта, присущая людям протестантской цивилизации и в наши дни. И все же психологические различия между иностранцами очевидны: «немцев» интересует Россия – её история и народы; для «конкистадоров» важно описание войны с русскими. «Немцы» тоже пишут о политике и баталиях, но их интересы шире и читать их интереснее.

1.5.1. «Немцы» о Смуте

Из современников о Смуте писали англичане – Дж. Горсей (1589–1626), Дж. Уилкинсон (1605) и Г. Бреретон (1614), французы Ж. Маржерет (1607), Ж. О. де Ту (1607), итальянец А. Поссевино (1605), голландец И. Масса (1610), немцы – К. Буссов (1613), Г. Паерле (1608) и М. Шаум (1614), швед П. Петрей (1615). Наиболее интересны произведения Жака Маржерета, Исаака Массы и Конрада Буссова. Ниже кратко рассказано об этих авторах и их работах.

«Состояние Российской империи и великого княжества Московии....» Жака Маржерета является одним из самых известных произведений о Смуте. Жак Маржерет происходил из «дворян мантии»,¹⁷ но выбрал карьеру «дворянина шпаги». Он участвовал в граж-

¹⁷ «Дворяне мантии» – выходцы из буржуазии (часто судебские), получившие дворянство от короля. «Дворяне шпаги» – потомственное дворянство.

данской войне во Франции на стороне Генриха Наваррского против Католической лиги. Затем перебрался на Балканы, служил в трансильванских и австрийских войсках, воевал с турками, перешел к полякам и в 1600 г. был принят в должности капитана на русскую службу. Во главе отряда «немцев» Маржерет участвовал в поражении войск Лжедмитрия I при Добрыничах. Позже он перешел к самозванцу и был начальником стрелков его охраны.

После гибели «императора Димитрия» Маржерет уехал на родину, где рассказал о виденном Генриху IV и в 1607 г. издал книгу. Вскоре он вернулся в Россию и оказался в Тушине, потом перешел к Сигизмунду. Вместе с поляками Маржерет пришел в Москву, где оставался до сентября 1611 г. Он отличился при обороне Кремля от восставших москвичей, был награжден Сигизмундом поместьями в России, но предпочел уехать. В 1612 г. Маржерет с группой наёмников написали Пожарскому, предлагая свои услуги. Пожарский «с товарищи» отказал им, ссылаясь на прошлое капитана:

«... и тот Яков Маржерет, вместе с польскими и литовскими людьми, кровь крестьянскую проливал и злее польских людей, а в осаде с польскими и с литовскими людьми в Москве от нас сидел, и награбився государские казны, дорогих узорочей несчётно, из Москвы пошел в Польшу».

Пожарский был прав, отказав предателю, но это несколько не умаляет достоинств книги. Жак Маржерет имел острый глаз, говорил по-русски и умел описать всё, что видел. А видел (и слышал) он немало. Вдобавок, капитан, возможно из-за недостатка образования, избегал модных тогда примеров из античной истории, не философствовал, а писал просто и доступно. Его книга была много раз переиздана во Франции, переведена и неоднократно издавалась в России. Труд Маржерета использовали французы – де Ту и Проспер Мериме, русские историки и писатели. Пушкин ввёл Маржерета в трагедию «Борис Годунов».

Книга Маржерета содержит любопытное описание России, но самое важное в ней – описание личности Лжедмитрия I. Автор рассказывает о приходе Дмитрия Ивановича в Россию, сражениях, переходе войска и воевод на его сторону, восстании в Москве, убийстве вдовы и сына Годунова – их удавили, «но был пущен слух, что они отравились», и воцарении Дмитрия Ивановича. Описано правление императора, которым автор искренне восхищён, приезд императрицы Марины, свадьба и убийство императора Дмитрия. Маржерет описывает внешность и благородный характер Дмитрия Ивановича. Он считает, что для христианского мира его гибель была большим несчастьем. Но он сомневается, что на площади было действительно тело императора (сам он болел, и тела не видел).

Маржерет отвергает мнение, что Дмитрием назвался беглый монах Григорий Отрепьев. Неверно и мнение иностранцев, что Дмитрий был поляк, трансильванец или даже русский, воспитанный иезуитами с целью, чтобы он стал императором. Если его воспитали иезуиты, то они научили бы его говорить и читать по-латынски. Но он не знал латыни, даже имя свое писал неуверенно. Не так уж он жаловал и иезуитов: их было с ним всего трое и одного он отправил в Рим. А по-русски он говорил как нельзя лучше и лишь для красоты «вставлял порой польские фразы». Письма его на русском были так хороши, что ни один русский не мог найти повода для упреков. Непонятно и как иезуиты нашли подобного ребенка: «Я не думаю, чтобы взяли ребенка с улицы, и скажу мимоходом, что среди пятидесяти тысяч не найдется одного, способного исполнить то, за что он взялся в возрасте 23–24 лет».

Ссылаются, что он насмехался над русскими обычаями. Но ведь русские «грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести». Дмитрий же воспитывался некоторое время в Польше, свободной стране, среди знати. Он стремился к исправлению и просвещению подданных. Если бы он чувствовал за собой вину, то породнился бы с русским родом, чтобы укрепить положение. Маржерет заключает: «Его красноречие очаровало всех русских, а также в нем светилося некое величие, которого нельзя выразить словами».

и невиданное прежде среди русской знати и ещё менее среди людей низкого происхождения, к которым он неизбежно должен был принадлежать, если бы не был сыном Ивана Васильевича».

«Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии...» Исаака Массы содержит совсем иную оценку «Димитрия». Эта рукописная книга, сохранилась в списке, поданным автором в 1610 г. принцу Морицу Оранскому, наместнику Соединенных Провинций.¹⁸ Из книг о России, написанных иностранцами, «Известие» выделяется тем, что Масса знал и понимал русских. Этому способствовало то, что ему было всего 14 лет, когда он попал в Россию (1601). Его отец торговал сукнами и послал мальчика в Москву осваивать торговлю шелком. Предки Массы – мараны,¹⁹ переселившиеся в Италию, а затем в Нидерланды, давно стали голландцами и кальвинистами.

В Москве Масса провел 8 лет; он научился свободно говорить по-русски и завел обширные знакомства. Немало ему помогала способность «весьма ловко узнавать секреты других лиц», как отмечает граф Яков Делагарди; всё же к кремлевским тайнам он допущен не был. Питаясь московскими слухами, Масса дословно повторил их в своей книге. Масса – один из немногих иностранцев тех времен, чьи заметки написаны без неприязни к русским. Он желает Московии процветания, но считает, что стране нужен новый Иван Грозный: «...такой царь нужен России, или она пропадёт; народ этот благоденствует только под дланью своего владыки, и только в рабстве он богат и счастлив. Вот почему всё пойдет хорошо тогда лишь, когда царь по локти будет сидеть в крови». В 1609 г. Масса покинул Россию, но не раз возвращался, совмещая торговлю и дипломатию.

Свою книгу Масса начинает с Ивана Грозного, затем переходит к царствованию Фёдора Ивановича и возвышению Годунова. Бориса он рисует злодеем, но считает, что на злодейства его подталкивала жена. Но страной Борис правил успешно, и народ был им доволен. Масса описывает историю первого самозванца. Он считает, что за Лжедмитрием стоит Рим: папа «вознамерился надежными и быстрыми средствами одолеть и присовокупить эту страну именем Димитрия, сына покойного великого князя». По мнению Массы большой потерей для России было убийство сына Годунова, юного царя Фёдора, «который поистине был юный витязь и писанный красавец» и подавал надежды стать хорошим царём. Масса – талантливый писатель, и страницы о последних днях самозванца, написаны удивительно сильно.

Автор ходил на Красную площадь и видел тело Дмитрия. Он осмотрел тело и убедился, что это царь, которого он много раз видел. Масса верит обвинениям в его адрес и считает, что под началом папы царь принес бы миру большие несчастья: «Нет сомнения, когда бы случилось все по его умыслу и по совету иезуитов, то он сотворил бы много зла и причинил всему свету великую беду с помощью римской курии, которая одна была движительницею этого». Масса описывает войну Шуйского с Болотниковым, победу Шуйского и «водяную казнь» пленных болотниковцев. Затем он переходит к появлению нового Дмитрия и новой осаде Москвы. Когда Масса уже плыл домой морем, он получил известие, что москвиты под началом Скопина, вместе со шведами, освободили Москву. Автор заключает книгу с надеждой, что гнев Божий пройдет и мир снизойдет на Московию.

«Московская хроника. 1584–1613» Конрада Буссова интересна в первую очередь тем, что автор провел в России большую часть Смутного времени – с 1601 по 1611 гг., и служил всем царям и самозванцам. Выходец из Люнебургского герцогства в Германии, Буссов избрал военную карьеру. Он долго жил в Лифляндии и служил полякам, а затем – шведам в должности «королевского ревизора и интенданта». В 1601 г. Буссов предложил Годунову сдать

¹⁸ Республика Соединенных Провинций – с 1815 г. королевство Нидерланды.

¹⁹ Мараны – испанские евреи, принявшие христианство.

русским Мариенбург (Алысту) и Нарву. Попытка не удалась, и Буссов осенью 1601 г. переселился в Москву, где получил от Годунова поместья и должность офицера иностранных наёмников. Буссов сражался против Лжедмитрия I, но когда тот пришел к власти, стал преданно ему служить.

Убийцу «Дмитрия», Шуйского, Буссов возненавидел и осенью 1606 г. отъехал в занятую Болотниковым Калугу. Он остался в Калуге и после поражения Болотникова, продолжив борьбу против Шуйского на стороне Лжедмитрия II. После его убийства Буссов в 1611 г. перешел к королю Сигизмунду и вместе с поляками участвовал в подавлении восстания в Москве. Осенью 1611 г. он покидает Московию и селится в Риге. Там он написал книгу, используя собственные записи и сведения, полученные от русских и живших в Москве немцев. В подготовке книги Буссову помогал зять – пастор Мартин Бер, внесший в текст церковную образованность и знание латыни. В книге Буссова восхваляются немецкие наёмники. Самые интересные страницы посвящены Лжедмитрию I, Болотникову и Лжедмитрию II.

1.5.2. Польские «конкистадоры» о Смуте

Поляки ли польские «конкистадоры»? О роли поляков в Русской Смуте сложились мифы, нередко противоречивые. К их числу относятся суждения о национальной принадлежности интервентов. В русских хрониках встречаются названия «литва» и «поляки», но чаще «поляки». «Поляками» их именуют дореволюционные и западные историки и литераторы. Советские историки предпочитали громоздкое название «польско-литовские интервенты». Сами польские авторы осторожно писали, что в походах на Россию участвовали граждане Речи Посполитой. Зато современные белорусские и украинские историки и публицисты, всячески подчеркивают, что в Смутное время вовсе не поляки, а белорусы и украинцы разбили русских под Клушином и взяли Москву.

Действительно, среди интервентов преобладали уроженцы восточной части Речи Посполитой, т. е. Великого Княжества Литовского – Белоруссии и Литвы, и юго-восточных земель Королевства Польского – Украины. У большинства «поляков» – равно гетманов²⁰ и простых солдат деда, а нередко и отцы, считали себя «русскими» или «руськими» и исповедовали православие. Но сами они, чаще были католиками и общались по-польски. Иными словами, «поляками», разорявшими Россию, были люди Западной Руси, сменившие этнос. Называть их белорусами и украинцами, как это делают белорусские и украинские публицисты, значит, выдавать желаемое за действительное. Люди эти осознавали себя польскими или литовскими рыцарями. Главным для каждого являлось бесспорность его шляхетства,²¹ а кем были благородные предки – западнорусскими боярами, выходцами с коронных польских земель, ордынцами, приезжими немцами, не имело особого значения.

Язык у шляхтичей Литвы и Украины был польский, хотя все с детства свободно говорили на местном «русском» диалекте. Жили и развлекались они на польско-шляхетский манер: охота и турниры перемежалась застольем и балами, где паны в кунтушах²² и ярких жупанах²³ и панёнки в платьях европейской моды танцевали полонез и кадрили. Вопросы чести решались на дуэлях: саблём шляхтичи владели с детства. По праздникам «рыцарство» с женами и дочерьми собиралось на службу в великолепные барочные костёлы. Там завязывались знакомства и вспыхивали страсти. Эта яркая жизнь кипела в замках и фольварках, разбросанных среди бесчисленных деревушек, где «хлопы» упорно ходили молиться к своим бороатым

²⁰ Польские полководцы, участники войн Смуты, – Станислав Жолкевский, Ян Кароль Ходкевич, Ян Пётр Сапега и Александр Лисовский, были потомками западнорусских бояр.

²¹ Слово шляхта происходит от древн. верхненемецкого *slahta* – род (по другой версии, – от немецкого *Schlacht* – битва).

²² Кафтан с широкими откидными рукавами.

²³ Род сюртука.

попам. В глазах шляхты, местная православная культура была мужицкой, а культура москвитов – варварской. Стремление западнорусского дворянства стать дворянством польским объясняется не только привилегиями и «свободами» польской шляхты, т. е. выбором по расчёту, но желанием жить по-польски «красиво», т. е. *выбором эстетическим*.

Польский выбор во многом был решением женщин, желавших блистать на балах и свободно общаться с людьми своего круга. Не последнюю роль играло образование дворянских детей в школах, руководимых иезуитами. За спиной учителей иезуитов стояли знания Европы, намного превосходящие возможности православного образования даже в его продвинутой западнорусской форме. Ополячивание западнорусского дворянства было добровольным, т. е. прочным: оно началось с XVI в. и в XVII в., в основном, завершилось. Хотя часть шляхты сохранила православие, по лояльности она ничем не отличалась от соседей католиков. Вместе они выступали во всех предприятиях, в победах и поражениях.²⁴ Русские современники Смуты, не вникали в этнические тонкости и называли завоевателей «поганой литвой», и ещё чаще – поляками.

Польские свидетели и участники Смуты. Среди поляков – очевидцев и участников Смуты, можно выделить две группы авторов. Одни больше писали о Лжедмитрии I – от его появления в Польше вплоть до гибели. К числу авторов, писавших о первом самозванце, относятся С. Борша, Я. Велевицкий, С. Немоевский, Н. Олесницкий, А. Госевский, А. Рожнятовский – автор «Дневника Марины Мнишек», и М. Стадницкий. Другие писали преимущественно о поздних событиях Смуты. К их числу относятся: Б. Балыка, С. Бельский, И. Будило, С. Жолкевский, Н. Мархоцкий, С. Маскевич, Я. Сапега.

Пересказывать дневники и записки нет необходимости, но следует кратко сказать об авторах. Кроме ксендза Яна Велевицкого и мещанина Божко Балыки, все авторы были шляхтичами, некоторые из знати Речи Посполитой, в частности, гетман Станислав Жолкевский (позже, великий коронный гетман), послы Николай Олесницкий и Александр Госевский, троюродный брат великого канцлера Литвы Ян Пётр Сапега. Все они имели достоинства и недостатки, типичные для «рыцарства» Речи Посполитой: гордые и независимые, жаждущие денег и добычи, но готовые на подвиг ради чести и славы, склонные к хвастовству, но беззаветно храбрые. Все они склонны преувеличивать победы и замалчивать поражения, уверенные в полном своём превосходстве над полчищами москвитов.

Наиболее объективен гетман Станислав Жолкевский, победитель под Клушином и устроитель присяги бояр королевичу Владиславу. Он отдаёт должное достойному противнику – Михаилу Скопину-Шуйскому. Но даже Жолкевский предвзят, когда дело касается его личных побед: в описании битвы под Клушино он завышает численность армии Дмитрия Шуйского и преуменьшает свои силы. Победа гетмана над впятеро (а по его словам, вдесятеро) сильнейшим противником легла в основу мифа о военном ничтожестве русских.

²⁴ Примером может служить мой прадед – Павел Сапега, православный участник польского восстания 1863 г. (казнён в 1864 г.).

1.6. Исторические персонажи Смутного времени

Портреты персонажей Смутного времени живописали несколько поколений историков – от Н. М. Карамзина до Р. Г. Скрынникова. Не следует думать, что «историзм» портретов означает близость к оригиналу. Учёные пользовались доступными им источниками, обычно неточными или предвзятыми, и воссоздавали исторические персонажи соответственно своим пристрастиям. Дело в том, что о героях Смуты пишут на основании *намеренных свидетельств*. Понятие предложил французский историк Марк Блок, разделивший исторические источники (свидетельства) на *намеренные и ненамеренные*.²⁵ Как пример намеренного свидетельства Блок приводит «Историю» Геродота, а как пример ненамеренного – древнеегипетский погребальный папирус. *Намеренные свидетельства* создавались с расчётом в чем-то убедить современников или потомков. К их числу относятся летописи, хронографы, мемуары, дневники, беллетризованные письма, литературные произведения. *Ненамеренные свидетельства* люди оставляли в ходе жизни. Это предметы материальной культуры и письменные документы. К числу документов относятся разрядные книги, челобитные, деловая переписка, судебники. Для установления истины ненамеренные свидетельства надёжнее намеренных, хотя и здесь случаются фальсификации.

Намеренные свидетельства всегда содержат элементы мифологии, нередко придуманные авторами. Работая с ними, т. е. имея в качестве источников мифы, историк создаёт свою версию событий, по сути, новый миф, который принято называть *нарративом*.²⁶ Нарративами являются исторические портреты героев Смутного времени, хотя историки стараются подкрепить свою версию документами. На основе нарративов историков пишутся художественные произведения, которые далеко не всегда отстоят дальше от истины, чем версия историка. Художественное произведение, если оно талантливо, становится частью национальной мифологии, что произошло с пьесой А. С. Пушкина «Борис Годунов». Ниже даны исторические и литературные портреты наиболее известных персонажей Смутного времени.

²⁵ Блок М. Апология истории. М.: Наука, 1973.

²⁶ Нарратив – история (рассказ), понятие философии постмодерна, означающее интерпретацию событий или явления с позиций рассказчика.

1.7. Борис Годунов

Современники о Годунове. В истории России нет правителя, которому приписали столько низких преступлений как Годунову. По словам современников, коварство и тайные убийства Бориса были хуже тиранства. Если перечислить, что о нём писали и говорили, то получится длинный список. Путь цареубийцы Борис начал, тайно умёртвив вместе с Богданом Бельским царя Ивана. При царе Фёдоре Годунов сослал в Углич царевича Дмитрия; сослал и повелел удушить князя Ивана Мстиславского; князя Ивана Шуйского заточил в монастырь и тайно удушил; умертвил в тюрьме князя Андрея Шуйского; обманом заманил в Россию племянницу Грозного – Марью Старицкую и сослал в монастырь, а её дочь приказал убить. Устроил убийство царевича Дмитрия и, чтобы отвлечь народ, поджег Москву и навел на столицу крымского хана.

Ослепил отравленным вином царя Семёна Бекбулатовича. Уморил доброго царя Фёдора вместе с дочерью Феодосией, своей племянницей. Родную сестру Ирину (в иночестве Александру) отравил, чтобы не прокляла за убийство мужа. Обманом и насилием захватил престол. Заточил пятерых братьев Романовых и троих из них тайно уморил. Преследовал многие славные боярские роды. Вконец опостылел всем: «чиноначальникам земли» – за то, что разорял и избивал их, крестьянам – за отмену «Юрьева дня», духовенству и купцам – за потворство чужеземцам. Он же, Борис, уморил жениха своей дочери, а когда появился самозванец, то не смог его вынести и отравился сам.

Те же современники восхваляли разум Годунова и стремление к благу государства. Князь Иван Хворостинин писал, что Борис, хоть и «лукав нравом», зато «боголюбив», борец с мздоимством и укротитель лихоимцев. Старец Авраамий Палицын отмечает, что он был «разумен в царских правлениях». Иван Тимофеев обличал Годунова, но воздавал должное его правому суду и миролюбию. Одним словом, по словам русских современников, Годунов был худородный выскочка, запятанный убийствами членов царской семьи и знатных бояр, но как правитель, он был мудр, справедлив и много сделал для России.

Не отставали от русских жившие в России иностранцы. Они признавали коварство Годунова и считали, что беды, свалившиеся на Россию, в последние годы его царствования – это Божья кара за грехи. Как пишет Конрад Буссов, Борису пришлось узнать, что хитрые уловки не помогут ему перед Богом, и хотя все его начинания были разумными, ни одно не кончилось добром: «Заключённые им союзы... ни к чему не привели, все труды и старания, которые он с великим разумением положил на улучшения в стране, мало кем ценились, неслыханно обильная милостыня, которую он раздавал во время длившейся несколько лет... дороговизны, не спасла бедный народ от сильного голода и мора в его стране, и люди гибли тысячами».

Иностранцы признают ум и способности Бориса. Исаак Масса размышляет о причинах его успешного правления: «Могут подумать, каким образом Борис, не умевший ни читать, ни писать, был столь ловок, хитер, пронырлив и умен. Это происходило от его обширной памяти, ибо он никогда не забывал того, что раз видел или слышал; также отлично узнавал через много лет тех, кого видел однажды». Хвалит его правление и Буссов: «... он многие неисправные дела привел в полный порядок, многие злоупотребления пресёк, многим вдовам и сиротам помог добиться справедливости».

Начало карьеры Бориса. Борис Фёдорович Годунов родился в 1552 г. в семье помещика средней руки из обедневшего рода костромских бояр Годуновых. Происхождение Годуновых от ордынского мурзы Чета скорее всего миф. О самом татарском мурзе известно из «Сказания о Чете», составленном в Ипатьевском монастыре в начале XVII в. Монахи явно хотели угодить царю княжеской кровью ордынского предка. Слова Шуйского из пушкинского

«Бориса Годунова» – «вчерашний раб, татарин, зять Малюты», не могли тогда прозвучать, ибо иметь в роду знатных ордынцев считалось почётным.

После смерти отца Борис воспитывался дядей, Дмитрием Ивановичем Годуновым, и ещё подростком попал ко двору Ивана Грозного. Дядя получил там чин царского постельничего. Жизнь при дворе царя Ивана, где сменялись фавориты, кончавшие на плахе, сделала из юноши искусного дипломата. Образования он не получил, хотя, вопреки мнению современников, умел читать и писать. Скрытность и навыки ведения интриг позволили Годуновым пережить все смены переменчивых симпатий Грозного, но они же сослужили с Борисом в расцвете его карьеры злую шутку – никто не верил в его искренность и благородство.

Борис служил в ведомстве дяди и как он был опричником. Важным шагом в его карьере была женитьба на дочери всесильного опричника Малюты Скуратова. Брак этот ввёл Бориса в круг лиц близких к царю. Смерть Малюты и отмена опричнины, казалось, должны были положить конец процветанию Годуновых, но они сумели вывернуться: Дмитрий Годунов сосватал царевичу Фёдору племянницу, Ирину Годунову. Вскоре у Годуновых возник местнический конфликт,²⁷ и царь их поддержал. Обидчик Бориса, боярин Тулупов, был посажен на кол, а Борис получил за «бесчестье» его вотчину. Это была первая кровь на Борисе. Когда Грозный умер, Борис передал вотчину в монастырь.

Годунов при Фёдоре Иоанновиче. Под конец жизни Иван Грозный возвёл в бояре Дмитрия и Бориса Годуновых. Царь возложил на Бориса заботу о младшем сыне Фёдоре, женом на его сестре. С юных лет слабый Фёдор привык полагаться на шурина. Несчастная гибель царевича Ивана сделала Фёдора наследником престола, но царь Иван в завещании не указал Бориса в числе его опекунов. Когда царь умер (1584), между боярами развернулась борьба за власть, и Борис вновь оказался в числе советников Фёдора. При венчании Фёдора на царство (1584) Борис получил чин конюшего, звание ближнего великого боярина и наместника царств Казанского и Астраханского. В новом туре борьбы за власть Борис победил князя Ивана Мстиславского и заставил его постричься в монахи.

В 1585 г. тяжело заболевает царь Фёдор, и Борис направляет в Вену тайное посольство с предложением после смерти Фёдора выдать Ирину за австрийского принца и возвести его на российский престол. Но Фёдор выздоровел и, узнав о тайных переговорах, был глубоко оскорблен: «В дальнейшем кроткий царь не раз прибегал к палке, чтобы проучить шурина». Положение Бориса казалось безнадежным: в мае 1586 г. «московских людей множество» потребовало выдачи Годуновых. Бунта испугались сами бояре: перед народом выступил Иван Шуйский и сказал, что «им на Бориса нет гнева». Из толпы выступили два купца и сказали: «Помирились вы головами нашими: и вам пропасть от Бориса, и нам!». Но толпа разошлась. В ту же ночь купцы пропали без вести, Шуйские поняли, что борьба с Борисом только начинается. И тут они совершили ошибку – подали от имени бояр, митрополита, епископов и посадских, прошение Фёдору, чтобы он отправил жену в монастырь и «чадородия ради» сочетался вторым браком.

Угрозы лишиться Ирины – единственное, что не переносил Фёдор. Митрополит был лишен сана и пострижен в монахи. Оправившийся Годунов обвинил Андрея Шуйского в измене и переговорах с Литвою. Осенью 1586 г. в Москве вспыхнули волнения торговых людей в поддержку Шуйских, но Борис к ним был готов и подавил волнения. Андрея и Ивана Шуйских сослали в их вотчины, а шестерых «торговых мужиков» обезглавили. Заработали каты на Пыточном дворе, появились показания на Шуйских. Борис не спешил; только в 1588 г. он приступил к расправе. Действовал Борис в свойственной ему скрытой манере. Ивана Шуйского

²⁷ Для бояр и знатных дворян в XIV–XVII в. не было ничего дороже фамильной чести, понимаемой как «место», заслуженное предками или самим дворянином. Из-за местнических споров готовы были на опалу и казнь. Местническая «потеряка» П. Ф. Басманова привела к его переходу к самозванцу и гибели династии Годуновых.

сослали в монастырь и заставили постричься; к нему приехал проведать подручный Годунова Туренин, и герой обороны Пскова задохся от «огненного дыма». Андрея Шуйского заточили, и он скоро умер. Младших Шуйских сослали.

В том же 1588 г. были заключены в монастырь Мария Старицкая и ее дочь Евдокия – последние потомки Калиты по линии Андрея Старицкого, двоюродного брата Грозного. Мария, вдова ливонского короля Магнуса, вернулась в Россию в 1585 г. по приглашению Годунова. Через три года мать и дочь сослали в монастырь; семилетняя девочка там скоро умерла. Затем настал черед Нагих, враждебных Борису. За связь с Шуйскими в 1588 г. был заточен в монастырь Пётр Нагой. В борьбе с Нагими Борис старался обесценить их главный козырь – возможность наследования престола царевичем Дмитрием, жившим вместе с матерью и её братьями в Угличе. Угличский двор распространял слухи, что Годуновы пытались «окормить» царевича зельем. В ответ Московский двор в 1589 г. разослал по церквям приказ с запретом упоминать на богослужении имя Дмитрия как зачатого в седьмом браке, т. е. незаконнорожденного.

Итак, в 1588–1589 гг. Годунов не только интриговал, но расправлялся с недругами, хотя без огласки. В этой связи Ключевский писал: «Летописцы верно понимали затруднительное положение Бориса и его сторонников при царе Фёдоре: оно побуждало бить, чтобы не быть побитым». Все же стоит помнить, страх часто приводит к ошибкам. Борис из страха не только совершал преступления, но делал ошибки.²⁸ Такой ошибкой было удушение «дымом» Ивана Шуйского. Тайное убийство Рюриковича, героя войны с поляками, навсегда испортило репутацию Годунова, и народ стал склонен верить любым слухам о нём.

Угличское дело. 15 мая 1591 г. в Угличе погиб царевич Дмитрий. По призыву Нагих угличане тут же перебили людей, заподозренных в убийстве. Через два дня из Москвы прибыла следственная комиссия во главе с Василием Шуйским. Комиссия установила, что царевичем случилась «падучая», он упал и поранил себя ножом, которым играл с мальчишками в «тычку». Фёдор и патриарх Иов одобрили заключение комиссии. Много позже, после смерти самозванца, Шуйский отказался от своих показаний. Историк Скрынников согласен с выводами комиссии и считает, что в 1591 г. Борис не мог мыслить о троне и идти на риск пятнавшего его убийства. Логика эта не безупречна. Фёдор отличался слабым здоровьем, и Борис имел основания бояться, что престол перейдет к Дмитрию, пусть седьмому, но сыну царя Ивана. Приход Нагих означал для Бориса ссылку либо плаху. Если Борис и не помышлял тогда о царском венце, он не желал терять власть. А сохранить ее он мог только при царе Фёдоре и царице Ирине. Остальные претенденты представляли угрозу. Вот почему была пострижена Мария Старицкая и умерла её дочь.

Нельзя забывать и свидетельство английского дипломата Джерома Горсея, прожившего в России 17 лет, лично знавшего царей и бояр и свободно говорившего по-русски. В книге «Путешествия сэра Джерома Горсея» (1625 г.) он обвиняет Годунова в убийстве царевича Дмитрия. Во время событий в Угличе Горсей жил в Ярославле. Однажды ночью его разбудил стук в ворота:

«Кто-то застучал в мои ворота в полночь. У меня в запасе было много пистолетов и другого оружия. Я и мои пятнадцать слуг подошли к воротам с этим оружием.

– Добрый друг мой, благородный Джером, мне нужно говорить с тобой.

Я увидел при свете луны Афанасия Нагого, брата вдовствующей царицы, матери юного царевича Дмитрия, находившегося в 25 милях от меня в Угличе.

²⁸ Известна фраза Ж. Фуше по поводу расстрела Наполеоном герцога Энгиенского: «Это больше чем преступление, это ошибка».

– Царевич Дмитрий мёртв, сын дьяка, один из его слуг, перерезал ему горло около шести часов; [он] признался на пытке, что его послал Борис; царица отравлена и при смерти, у нее вылезают волосы, ногти, слезает кожа. Именем Христа заклинаю тебя: помоги мне, дай какое-нибудь средство!

– Увы! У меня нет ничего действенного. Я не отважился открыть ворота, вбежав в дом, схватил банку с чистым прованским маслом (ту небольшую склянку с бальзамом, которую дала мне королева) и коробочку венецианского териака.

– Это всё, что у меня есть. Дай бог, чтобы ей это помогло.

Я отдал всё через забор, и он усакал прочь».

Известно также письмо Горсея лорду Берли от 10 июня 1591 г., написанное меньше чем через месяц после гибели царевича Дмитрия: «19-го числа... случилось величайшее несчастье: юный князь 9-ти лет... был жестоко и изменнически убит; его горло было перерезано в присутствии его дорогой матери, императрицы; случились ещё многие столь же необыкновенные дела... После этого произошли мятежи и бесчинства». Здесь допущена неточность: Дмитрий погиб не 19-го, а 15-го мая 1591 г. Неточность эта объяснима – расстояние между Ярославем и Угличем 245 верст и Нагому требовалось двое суток, чтобы, меняя лошадей, добраться из Углича до английского подворья в Ярославле.²⁹

Приведенные факты не позволяют считать закрытым дело об Угличском убийстве. Борис Годунов продолжает оставаться подозреваемым. Есть, правда, косвенное подтверждение его невинности. В 1607 г., через полгода после канонизации «невинно убиенного» царевича Дмитрия, царь Василий Шуйский и патриарх Гермоген просили «прежнебывшего» патриарха Иова приехать в Москву, чтобы простить православных христиан в преступлении крестного целования. По приезде Иова, на Церковном Соборе от 16 февраля 1607 г. патриархи Иов и Гермоген и все высшее духовенство приняли «прощальную и разрешительную грамоту». В ней написано, что царевич Дмитрий «прият заклание неповинно от рук изменников своих», царь Борис избран законно и русские люди повинны в нарушении крестоцелования его наследникам. Собор не отрицал убийства Дмитрия, ведь его уже признали святым мучеником, но нет и намека на вину Бориса. Трактовка «грамоты» зависит от взглядов историка: её трактуют и как реабилитацию Годунова, и как нужное Шуйскому освящение святости царской власти.

После убийства годуновских чиновников в Угличе и поджогов в Москве Борис расправился с Нагими – мать Дмитрия, Марию, постригли и сослали в монастырь. Братьев Нагих разослали по тюрьмам, их приближенных казнили; сотни угличан и колокол с урезанным «ухом» сослали в Сибирь. Борис приобрёл, наконец, твердую власть. Следующие семь лет прошли спокойно: Борис наслаждался полнотой власти, сказочными доходами с необъятных вотчин, почетом иностранных государей и титулами. В 1595 г. его титуловали: «царский шурин и правитель, слуга и конюший боярин и дворовый воевода и содержатель великих государств, царства Казанского и Астраханского». В эти годы не было казней и ссылок, что говорит о некровавой натуре Бориса.

Выборы Бориса на царство. Царь Фёдор умер в январе 1598 г., но перед смертью нанес Борису неожиданный удар. На все вопросы послушного Борису патриарха Иова, кого назначить преемником, умирающий лишь тихо помянул волю Господа. Царице своей, Ирине, он наказал «принять иноческий образ». У Годунова были основания обидеться на царственного свояка. И Фёдор не удостоился пострижения³⁰ и пышных одежд: вскрытие гробницы показало, что он

²⁹ В России XVI в. была налажена ямская служба со сменой лошадей каждые 40–50 верст, благодаря чему расстояние от Москвы до Ярославля (140 верст) проезжали за сутки (Лихачёв К. Г. Из истории дорог // <http://www.udm-nn.ru/showcontent.aspx?id=31>).

³⁰ Пострижение перед смертью было традицией в роду Калиты. Постригли даже умершего Ивана Грозного, а вот на богобоязненного Фёдора времени не нашлось.

был одет в скромный кафтан и даже сосуд для миро³¹ ему положили простой. Через девять дней после смерти супруга Ирина объявила, что уходит в монастырь, и отказалась от власти.

Боярская дума объявила о созыве Земского собора для выбора царя. В Думе мнения разделились, но меньше всего там хотели Годунова. Борис опасался ездить в Думу и перебрался в Новодевичий монастырь, где приняла постриг Ирина. Он приказал не пропускать в Москву бояр, приглашенных Думой, и содействовать подбору правильных выборщиков. В Москву стали съезжаться выборщики Земского собора, в большинстве – духовенство и дворяне, желавшие избрать Годунова. За Бориса был и московский люд, ведь Годунов за свой счёт отстраивал им дома после частых пожаров. 17 февраля патриарх собрал на своем подворье собор из сторонников Годунова, принявших решение об избрании его на царство. В Думе этого решения не признали, но и боярам не удалось уговорить народ присягнуть Думе.

Земской собор организовал шествие к Новодевичьему монастырю. Там патриарх красноречиво, с примерами из византийской истории, призвал Бориса на царство. Борис со слезами отказал, ибо не мыслил посягнуть на «превысочайший царский чин». 21 февраля Иов после ночного богослужения собрал большую толпу и вновь привел к Новодевичьему монастырю. Борис вышел навстречу с иконами; все вошли в церковь; патриарх вновь призвал Бориса на царство, даже грозил ему; просили и грозили выборные бояре и дворяне; простой народ стал кричать, «лица их были багровы от усилия»; Борис стоял, потупив взор, но остался непреклонен. Он обмотал платок вокруг шеи, показал, что скорее удавит себя, чем станет царем, и ушёл в покои сестры. Патриарх и высшие чины собора двинулись следом, вошли к царице и там умоляли её и Бориса. Народ всё кричал. Наконец, вышли и патриарх объявил, что «Борис Фёдорович пожаловал, хочет быть на великом Российском царствии». Закричали уже радостно, а патриарх повел Бориса в монастырский собор и нарек на царство.

Но Годунов боялся венчаться на царство без присяги Думы. В конце марта патриарх в третий раз собрал шествие в Новодевичий монастырь. Иов просил Бориса вернуться в «царственный град». Борис со слезами сказал, что не хочет престола. Тогда по просьбе патриарха инокия-царица повелела брату венчаться на царство. Указ царицы позволял обойти присягу Думы. 1 апреля Борис вернулся в Москву. Его тожественно встречали. Борис смиренно отказался от ценных подарков и с поклоном принял хлеб и соль. В Успенском соборе патриарх ещё раз благословил его на царство. Меж тем в Думе бояре, наконец, договорились и решили передать престол Симеону Бекбулатовичу, великому князю Тверскому. Потомок Чингисхана и ордынских царей, он превосходил всех по родовитости, при Грозном год был российским государем и, что существенно, не лез в политику.

Борис решение Думы как бы не услышал. Он решил отвлечь внимание «татарской угрозой». Разрядный приказ объявил, что войска Крымской Орды движутся на Москву. Годунов огласил, что лично возглавит поход на татар. К маю он собрал дворянское ополчение. Боярам оставалось либо занять положенные им «места» в войске, либо потерять заслуженное предками «место». Бояре предпочли сберечь фамильную честь. Огромное войско выступило в поход, но далеко не пошло. На приокских лугах вблизи Серпухова был выстроен «чудный» палаточный город, где воинство проводило время в смотрах, состязаниях и пирах. Борис щедро раздавал награды и разрешал боярские споры. Явились и татары, но не войско, а посольство, привезшее подарки из Крыма и получившее ответные дары. Через два месяца Борис с «победой» вернулся в Москву. Он действительно победил – думская оппозиция, как единая сила, перестала существовать.

В августе Москва целовала крест новому царю. Осторожный Борис велел целовать себе крест не в зале Боярской думы, а в Успенском соборе под присмотром патриарха Иова. В тексте

³¹ Миро – благовонное вещество, освящаемое патриархом используемое в миропомазании, при освящении храмов и венчании на царство.

присяги подданные обещали «богоизбранному» царю «ни думати, ..., ни дружитесь, не ссылатись с царем Симеоном» и выдавать всех, кто захочет «посадити Симеона на Московское государство». Они клялись не изменять царю, не умышлять на его жизнь и здоровье, не вредить ядовитым зельем, не чародейством, доносить о заговорах, не уходить в иные земли. 3 сентября 1598 г. Борис Годунов венчался на царство в Успенском соборе. Во время венчания Борис не смог сдержать чувств и, обратившись к Иову, сказал громко: «Бог свидетель, сему: никто же убо будет в моем царьстве нищ или беден!». Взяв рукой за ворот рубахи, он добавил: «и сию последнюю разделю со всеми!».

Борис – царь России. Царь Борис начал с благодеяний. Служилым людям выплатил тройное годовое жалованье. Сельский народ на год освободил от податей. Торговым людям даровал право беспошлинной торговли на два года. Многих знатных дворян Борис пожаловал должностями и чинами. Особенно щедро он пожаловал думных бояр: Борис на собственном опыте понял, что от них зависит судьба династии. Даже недругов он наградил: Фёдор и Александр Романовы и Богдан Бельский получили думские чины. Через пять месяцев после венчания Бориса состоялся Земский собор. На сей раз в нем участвовала Боярская дума в полном составе. Участники собора подписали документ, подтверждавший права Годунова и его наследников на престол. Все делалось по закону – основы правления династии Годуновых закладывались на века.

Два первых года называют золотым веком царствования Бориса. Царь вникал в заботы каждого края. Все получили льготы: в Новгороде Борис сложил с гостей и посадских налоги и велел отдавать на откуп мелкие промыслы только посадской молодежи. В Корельском уезде дал налоговые льготы на десять лет; в Перми и Сибири освободил на год инородцев от ясака. Вдовы и сироты получали вспоможение. Сидевших в тюрьмах освобождали, ссыльных возвращали домой. Никого не казнили, даже разбойников. И все же Борис не был уверен в прочности династии. Он стал писать грамоты не только от себя, но от сына. Молитву о здравии Годунова и его дома – «чтобы юные, цветущие ветви Борисова Дома возросли благословением Небесным и непрерывно осеняли оную до скончания веков!» – требовалась читать на пирах при питье заздравной царской чаши.

Постоянное напряжение сказалось на здоровье Бориса, с 1600 г. он постоянно болеет. Нет сомнений, что Борис задумывался о будущем Фёдора в случае своей смерти. В это же время поползли слухи, что царевич Дмитрий жив. Болезнь, мысли о сыне, слухи о самозванце многократно усугубили природную подозрительность Бориса и придали ей параноидальный характер.³² Расцвел сыск, возглавляемый троюродным братом Бориса Семёном Годуновым – человеком жестоким, энергичным, но неумным.³³ По указанию Бориса Семён поощрял доносы боярских холопов на хозяев. Маржерет по этому поводу пишет: «Отныне, если слуга доносил на своего хозяина, хотя бы ложно, в надежде получить свободу, он бывал им вознагражден, а хозяина или кого-нибудь из его главных слуг подвергали пытке, чтобы заставить их сознаться в том, чего они никогда не делали, не видели и не слышали». Доносили не только холопы, но дети на отцов и жены на мужей. Тогда впервые заговорили о смуте в Московском государстве: «И от такова ж доводу в царстве бысть велия смута, яко же друг на друга доводяху».

Самым крупным доносом было дело Романовых. Холоп Александра Романова подал извет, что тот хранит у себя волшебные коренья и хочет «испортить» царскую семью. А надо сказать, что Борис был очень суеверен и постоянно советовался с гадалками и ведунями. В

³² Паранойя – психическое расстройство, характеризующееся длительными периодами необоснованного недоверия к окружающим. Параноики обычно не склонны воспринимать критику.

³³ После смерти Бориса Семён Годунов отправил царскому войску роспись, в которой П. Ф. Басманов и другие воеводы оказались ниже «местом» зятя Семёна А. А. Телятевского. Это многих оскорбило и часть войска во главе с Басмановым перешли на сторону самозванца.

ноябре 1600 г. стрельцы ворвались в романовское подворье. Там обнаружили корешки, которые показали Борису. Началось следствие об измене Романовых. Думские бояре, желая выслужиться, обвинили Романовых в покушении на жизнь царя. Наказанием за такое преступление могла быть только смертная казнь. Борис колебался несколько месяцев, а потом постановил постричь в монахи Фёдора Романова, а его младших братьев отправить в ссылку. Судьба оказалась милостивее к Фёдору (в монашестве – Филарету), чем к его братьям. Из них выжил лишь Иван; Александр, Василий и Михаил умерли в ссылке.

Опале подверглись и родственники Романовых – князья Черкасский, Сицкий, Репнин, дворяне Карповы. Через несколько месяцев Борис вернул из ссылки Ивана Романова, князей Черкасского и Сицкого, нарядил следствие по поводу жестокого обращения с Василием Романовым, велел, чтобы монаху Филарету «не было нужи». Казалось, Борис не хотел известить Романовых. Василию и Ивану, сосланным в Пелым, он велел отвести двор с двумя избами и давать в день по калачу и по два хлеба, по части говядины и по три баранины, в постные дни рыбы, и не накладывать цепей. Но условия перевозки ссыльных в Сибирь были ужасны и люди умирали «естественно». Мы никогда не узнаем, был ли Борис искренен в желании облегчить ссылку Романовым или это было ещё одно лицедейство.

Другой жертвой Бориса стал Богдан Бельский. В 1599 г. царь удалил его из Москвы вроде бы с почетным поручением – строить на реке Донце город Царёв-Борисов. Бельский там развернулся: быстро построил город и на свой счёт содержал немалое войско. В веселый час он расхвастался: «Царь Борис в Москве царь, а я царь в Царёве-Борисове!». Служилые немцы донесли на него. Бельского вызвали в Москву (1602) и предали позорному наказанию – шотландец капитан Габриэль горстями вырвал ему бороду; потом Бельского сослали.

Борис в голодные годы. Во время голода 1601–1603 гг. Борис делал всё, что мог и умел. Главные усилия он направил на предотвращение голода в городах. Посады получили право платить за хлеб по твердой цене и отбирать его запасы. Скупщиков хлеба было приказано бить кнутом, а при повторной скупке сажать в тюрьму. Требование продавать хлеб по твердой цене привело к тому, что зерно стали прятать, нередко даже гноить. Царь приказал «сыскивать» хлеб по амбарам и лавкам, но у него не было «продотрядов». Да и наказание – отнятие излишков, мало пугало. Борис не пошел на массовые казни. Не решился и ссориться с монастырями и боярами, не желавшими делиться запасами. В некоторых областях было изобилие хлеба, но Борис не смог организовать доставку. Не позволял и ввоз зерна из-за границы, чтобы Россию не считали бедной страной. Борис приказал продавать хлеб из царских житниц по низкой цене, но запасы быстро истощились.

Царь не жалел денег на голодающих. Маржерет пишет о размахе его деятельности: «Борис велел ежедневно раздавать милостыню всем бедным, сколько их будет, каждому по одной московке... Сумма, которую император Борис потратил на бедных, невероятна; не считая расходов, которые он понёс в Москве, по всей России не было города, куда бы он не послал больше или меньше для прокормления сказанных нищих. Мне известно, что он послал в Смоленск с одним моим знакомым двадцать тысяч рублей». Но помощь уходила как вода в песок. Маржерет сообщает, что прослышав о щедрости Бориса, люди бежали в Москву, «хотя у некоторых из них ещё было на что жить», а попав в Москву, не могли прожить на милостыню и умирали в городе или на дорогах, возвращаясь домой.

Масса связывает неудачу Бориса с бесчестностью чиновников. По его словам: «приказные, назначенные для раздачи милостыни, были воры, каковыми все они по большей части бывают в этой стране; и сверх того они посылали своих племянников, племянниц и других родственников в те дома, где раздавали милостыню, в разодранных платьях, словно они были нищи и наги;...а всех истинно бедствующих, страждущих и нищих давили в толпе или прогоняли дубинами и палками от дверей;...если же кому-нибудь удавалось получить милостыню,

то её крали негодяи стражники, которые были приставлены смотреть за этим. И я сам видел богатых дьяков, приходивших за милостынею в нищенской одежде».

Борис понял свое бессилие и прекратил раздачу милостыни. Попытки Годунова остановить голод делают ему честь, но свидетельствуют о провале как администратора. Впрочем, у Бориса не было опыта: в России никто до него не пытался бороться с массовым голодом. Много жизней спас указ Бориса по временному восстановлению Юрьева дня. Борис разрешил крестьянские выходы в 1601 и 1602 гг. Мера эта позволила крестьянам уйти от помещиков, неспособных их помочь. Эта же мера вызвала возмущение мелких и средних дворян, считавших, что Борис их ограбил в пользу бояр, ведь голодающие крестьяне чаще всего укрывались на землях богатых вотчинников.

Голод 1601–1603 гг. пошатнул власть Годунова. Доведенные до отчаяния крестьяне и холопы объединялись в разбойные шайки, сжигали дворянские усадьбы и грабили купцов. Особенно прославился атаман Хлопко; победа над ним далась в тяжком бою под Москвой, где погиб воевода И. Ф. Басманов (1603). Возврат на два года «Юрьева дня» разорил мелких и средних дворян и превратил их из силы лояльной Годунову в силу враждебную. За счёт бегства боевых холопов, крестьян и даже дворян чрезвычайно усилилось не любившее Бориса казачество. Была утрачена и поддержка горожан: они стали свидетелями провала попыток милосердия Бориса и не верили в его искренность. Наконец, лояльность бояр к Годунову, всегда сомнительная, явно не укрепилась.

Беда не приходит одна – на Годунова обрушились личные несчастья. В 1602 г. в Москве занемог и умер жених царевны Ксении, датский принц Иоганн. Для Ксении, это было горе, потеря любимого жениха. Для Бориса – крушение планов породниться с королевским домом и тревога за здоровье дочери. В сентябре 1603 г. умерла царица-инокиня Александра (в миру, Ирина). Порвалась ниточка, связывающая с Рюриковым домом. Судя по огромным вкладам за упокой души умершей, Борис любил сестру. Теперь вся его любовь обратилась к детям – Ксении и, особенно, Фёдору. Борис настолько оберегал 15-летнего сына, что боялся отпускать от себя. Он приучал его к рутине государственных дел, но не дал развиваться самостоятельности, что губительно сказалось после смерти отца.

Борис против самозванца. В начале 1604 г. Борису донесли, что в замке Адама Вишневецкого, на польской Украине, появился юноша, объявивший себя Дмитрием, сыном царя Ивана. Расследование показало, что самозванцем является монах Чудова монастыря Григорий, в миру – сын боярский Юшка³⁴ Отрепьев. Возмущённый Борис сказал боярам, что это их рук дело. Москва потребовала у князя Адама выдать самозванца, но получила отказ. Тогда в Литву послали «в гонцах на обличенье тому вору ростриге» его дядю, Никиту Смирного Отрепьева. Но полномочий Смирному не дали, и ему отказали во встрече с племянником.³⁵ Вскоре Посольский приказ направил польскому двору письмо с упреками в поддержке самозванца. От имени короля посланцу было объявлено, что «Дмитрий» не получает помощи от Речи Посполитой. Недовольный ответом Борис отправил послания австрийскому императору и римскому папе. Он жаловался на поддержку Сигизмундом III беглого монаха Гришки. В самой России за разговоры о самозванце отправляли на дыбу.

В середине октября 1604 г. самозванный царевич и его небольшое войско перешли русскую границу. Борис объявил по всему государству сбор армии. Призывали дворян, стрельцов, служилых городов, иноземцев, татар, мордву и бортников. Центром сбора огромной армии был назначен Брянск. В декабре произошла битва под Новгород-Северским. Царю доложили, что самозванец разбит, но ранен командующий, князь Ф. И. Мстиславский. Борис радовался

³⁴ Юшка – от Юрий.

³⁵ Похоже, что уже тогда приказные дьяки изменяли Годунову.

победе, щедро раздавал награды. На самом деле, царские войска проиграли битву слабейшему противнику и лишь бунт недовольных поляков помешал «царевичу» развить успех. В январе 1605 г., произошла битва при Добрыничах. «Дмитрий» потерпел сокрушительное поражение и едва ушёл от погони.

Снова Борис радовался, снова щедро раздавал награды. В Москве показывали пленных поляков (русских повесили после сражения). А в Комарицкой волости началась страшная расправа над присягнувшими Дмитрию крестьянами. Комарицкую волость населяли «дворцовые» крестьяне, приписанные к царскому двору. Годунов воспринял их отступничество как личную измену.³⁶ На мужиков напустили татар «царёва двора Исеитова полка». Расправа превзошла в жестокости новгородские казни Грозного. Бусов пишет: «Они повесили на деревьях за одну ногу несколько тысяч крестьян с женами и детьми и стреляли в них из луков и из пищалей». Автор «Иного сказания» утверждает, что убивали «не токмо мужей, но и жён и безлобых младенцев». Страшные подробности казней описывает Масса и добавляет – «чем больше мучали людей, тем более они склонялись признать Димитрия своим законным государем».

Разбитый под Добрыничами «царевич» укрепился в Путивле и с каждым днем становился сильнее: к нему подходили новые отряды, ему присягали новые города. Московские войска вели себя пассивно: осадили Рязань, но взять не смогли и ушли, затем обложили маленький город Кромь и там застряли окончательно. 500 казаков атамана Корелы, засев в «норах земных», вырытых под сгоревшими стенами крепости, сковали огромную московскую армию. В лагере осаждающих начались болезни и дезертирство. Царь Борис уже не хвалил воевод, а перешел к обвинениям. Он писал им: «что здесь зделася вашим нерадением, столко рати побито, а тово Гришки не умели поймать». Как пишет летописец, угрозы царя заставили многих подумать, не перейти ли к «Дмитрию».

Борис подослал в Путивль трех монахов подготовить заговор против самозванца, но их схватили и казнили. Царь уже не надеялся на старых полководцев. Теперь Борис возлагал надежды на молодого Петра Басманова, отстоявшего Новгород-Северский от самозванца. Но он не учел местнического самолюбия, значившего для Басманова больше присяги. Ошибка отца дорого стоила сыну Фёдору. Больной и никому не верящий царь утратил уверенность в себе. Он велел привести в Москву мать Дмитрия и пытался: вправду ли царевич погиб в Угличе. Всё больше он склонялся к суевериям и обращался к ведуньям и прорицателям. Чувствуя, как уходят силы, Борис беспокоился за будущее своей души и советовался с духовниками, врачами-немцами и юродивой – старицей Оленой.

Многое говорит о раннем одряхлении Бориса. У него появилась старческая скардность: начал проверять замки и печати на дверях дворцовых погребов, где хранились припасы. Часто он впадал в уныние и апатию. Дошли до него и слова самозванца: «а яз де буду к Москве как станет на дереве лист разметыватца». 13 апреля 1605 г., после обеда, Борис умер. Перед смертью его постригли. В «Новом летописце об этом сказано кратко: «Царю Борису, вставши из-за стола после кушанья и внезапно прииде на него болезнь люта, и едва успе поновиться и постричи, и два часа в той же болезни и скончась». Дежуривший во дворце Маржерет сообщает, что Борис умер от апоплексического удара. Слухи о самоубийстве Годунова являются лишь одной из многих враждебных ему легенд.

Годунов в народной памяти. Несчастный царь Борис сохранил о себе в народе недобрую память. В старинных песнях его обвиняют в убийстве царевича Дмитрия и захвате престола:

³⁶ От тех событий пошла знаменитая «Камаринская»: «Ах ты сукин сын, камаринский мужик || Не хотел ты своему барину служить».

Не лютая змея воздымалася,
Воздымался собака – булатный нож,
Упал он ни на воду, ни на землю,
Упал он царевичу на белу грудь,
Убили ж царевича Димитрия,
Убили его на Углищи,
На Углищи на игрищи.
Уж как в том дворце чёрной ноченькой
Коршун свил гнездо с коршунятами!
Уж как тот орёл Димитрий-царевич,
Что и коршун тот Годунов Борис,
Убивши царевича, сам на царство сел.

Народная память приписывает Годунову и самоубийство: «Умертвил себя Борис с горя ядом змейным, || Ядом змейным, кинжалом вострым».

Годунов у Карамзина. Автор «Истории Государства Российского» не только добросовестно и талантливо пересказывал летописи, но главное, что его отличало, была искренность моралиста. Человеческие качества монарха значили для Карамзина больше его достижений, и он был склонен искать причины потерь государственных в утрате нравственных начал. Карамзин отмечает заслуги Годунов, как правителя, и не склонен огульно принять обвинения в его адрес. Он не верит, что Борис отравил дочь царя Фёдора и самого Фёдора, не верит в самоубийство и даже не поминает причастности Бориса к смерти Грозного и сестры Ирины. Тем не менее, приговор Карамзина суров:

«Но имя Годунова, одного из разумнейших властителей в мире, в течение столетий было и будет произносимо с омерзением, во славу нравственного неуклонного правосудия. Потомство видит... Св. Димитрия издыхающего под ножом убийц, Героя Псковского в петле... Он не был, но бывал тираном; не безумствовал, но злодействовал подобно Иоанну.... Если Годунов на время благоустроил Державу, на время возвысил её во мнении Европы, то не он ли и ввергнул Россию в бездну злополучия...? Не он ли, наконец, более всех содействовал уничтожению престола, воссев на нём святоубийцею?».

«Борис Годунов» Пушкина. Взгляды Карамзина получили развитие в гениальной трагедии Пушкина «Борис Годунов». Пушкин работал над пьесой с ноября 1824 г. по ноябрь 1825 г., но и позже вносил поправки в текст. Напечатана пьеса была через четыре года, в 1831 г., и сразу вызвала критику. Большинство читателей не приняли новизну формы. В «Борисе Годунове» нарушены правила классических трагедий. Акты заменены небольшими сценами, исчезло единство места и времени действия, вместо одного главного героя появились два – Годунов и Самозванец, разрушено единство слога – в пьесе чередуются белый стих и проза. Ещё больше замечаний вызвало содержание драмы. Любителей истории уже не устраивал подход Карамзина к событиям прошлого. Между тем, Пушкин близок к Карамзину в трактовке образа Годунова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Но не «признал свободными» этих крестьян, как пишет Нефёдов. К.Р.

2.

Шуйский ужесточил закон о беглых, но его не исполняли, К.Р.